

ДОМИНИК ВОЛЬТОН

ИНФОРМАЦИЯ НЕ ЗНАЧИТ КОММУНИКАЦИЯ

Перевод с французского

ПОЛПРЕД Справочники
Москва 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ РОССИЙСКОГО РЕДАКТОРА

УМЕТЬ ОБЩАТЬСЯ

«Информация не значит коммуникация», «Спасти коммуникацию», «Коммуникация — это совместное проживание», — таковы заголовки книг французского ученого Доминика Вольтона 2007-09 гг. издания.

В России такого класса мыслителей в междисциплинарной сфере информации/коммуникации, как Вольтон, нет. Нет у нас и отдельного института, или даже отдела по СМИ в системе Российской академии наук. А в Париже есть.

Два десятка лет Институт наук о коммуникации возглавляет его основатель Доминик Вольтон. Автор десятков книг по мультимедийным и междисциплинарным аспектам коммуникации и СМИ, руководитель огромного научного направления, бессменный главный редактор научного журнала *Hermès*. У Вольтона, в отдельном с иголки здания в центре Парижа, в парковой зоне, на 1000 кв.м. расположились лаборатории, аспирантура, издательство. Институт является частью монстра CNRS (аналог РАН), огромной системы государственных НИИ, без отраслевой и вузовской науки. Вольтоновский институт — лидер научной отрасли, т.е. это фундаментальные исследования и поствузовское образование.

Вольтон — теоретик проблем СМИ и коммуникаций в самом широком политическом и культурном толковании. Социальные сети как лекарство от одиночества. Информация и коммуникация как способ решения главного вопроса современности — войны и мира. Научиться людям общаться (договариваться, сосуществовать) друг с другом необходимо, говорит Вольтон. Ведь сумели же на Западе, чтобы выжить, начать соблюдать нормы экологии. Это часть определений, с помощью которых автор объясняет читателю перспективы демократии и образования, всех аспектов жизни в развитом информационном обществе.

Вольтон излагает лаконично и понятно одну из оценок западного пути развития. Избавление от иллюзий очень полезно в России, которая повторяет, с большим опозданием, информационную революцию. Учиться надо на чужих ошибках, поэтому читайте умного и признанного во Франции Вольтона. Восприятие простых суждений мэтра может сэкономить нашему обществу много денег и усилий, много жизней и здоровья.

Вольтон развивает свое объяснение западной практики информации/коммуникации без конкретных примеров. Российская медийная действительность отстает от западных аналогов в ЕС и США на 10 лет. Анализ и прогноз Вольтона трактуют то, что может ждать нас завтра в осмыслении результатов и перспектив коммуникационной революции.

Вольтон, главный французский эксперт у государственного регулятора в сфере информации/коммуникации, востребован и у своего работодателя и среди лучших мировых издателей — за достоверность, глубину и доступность суждений. Книги Вольтона на французском и других западных языках всегда бестселлеры, хотя в них нет придумок и сенсаций. Масштаб личности на высоком государственном посту привлекает читателя, желающего знать логику власти.

Константин Сальберг-Вачнадзе

Доминик ВОЛЬТОН

**ИНФОРМАЦИЯ
НЕ ЗНАЧИТ
КОММУНИКАЦИЯ**

Перевод с французского

Книга французского ученого Доминика Вольтона «Информация не значит коммуникация» вышла в России на русском языке в бумажной версии, размещена с нояб. 2010г. на polpred.com — за год ее скачали более тысячи посетителей.

В окт. 2011г. данное второе издание сопроводил послесловием президент факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова профессор Ясен Засурский.

Dominique WOLTON. *Informer n'est pas communiquer*. Paris, CNRS, Édition, 2009

ВОЛЬТОН Доминик. Информация не значит коммуникация. Перевод с французского Н.Н. Цветковой. Ответственный редактор К.Г.Сальберг-Вачнадзе. Автор послесловия президент факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова профессор Я. Н. Засурский. Москва, ПОЛПРЕД Справочники, II издание, 2011г., 34 стр.

© CNRS Éditions, Paris, 2009

ISBN: 978-2-271-06820-0

© ПОЛПРЕД Справочники, Москва, II российское издание, октябрь 2011

ISBN: 978-5-904113-06-3

Совет ветеранов МИД РФ. ООО «ПОЛПРЕД Справочники».

119002 Москва, Арбат 55, оф. 405, (495) 234-3435, (499) 244-3541, (985) 784-1084, info@polpred.com

Отпечатано в ФГУП «ПИК ВИНТИ», 140010 Люберцы, Октябрьский пр-т 403.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РОССИЙСКОГО РЕДАКТОРА. Константин Сальберг-Вачнадзе УМЕТЬ ОБЩАТЬСЯ	
ВСТУПЛЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ КОММУНИКАЦИЮ ЗНАЧИТ ДОГОВАРИВАТЬСЯ И ЖИТЬ ВМЕСТЕ	3
ГЛАВА I ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИЙ	5
I - Теория коммуникаций	5
II - От информационной революции к трудностям коммуникации ..	7
III - Коммуникация — это сосуществование	8
ГЛАВА II ТЕХНОЛОГИИ: МЕЖДУ ОСВОБОЖДЕНИЕМ И ИДЕОЛОГИЕЙ	10
I - От технологий к идеологии технизма	10
II - Интернет: между утопией и идеологией	11
III - Отойти от идеологии технизма	15
ГЛАВА III ИНФОРМАЦИЯ: УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ	18
I - Информация: ее участие в борьбе за освобождение	18
II - Противоречия информации	18
III - Строительная площадка	19
ГЛАВА IV НОВЫЕ ГРАНИЦЫ НАРУШЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ	22
I - Коммуникация: Другой и глобализация	22
II - Продумать коммуникацию значит думать о нарушении коммуникации	23
III - Проблема сосуществования	24
ГЛАВА V ИНФОРМАЦИЯ И ЗНАНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ	27
I - Журналисты, непрочная победа	27
II - Нет информации без знаний	29
III - Конфликт легитимностей	31
ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОММУНИКАЦИЯ. ЕСТЬ ЛИ ГДЕ-НИБУДЬ КТО-ТО, КТО МЕНЯ ЛЮБИТ	33
БИБЛИОГРАФИЯ	
ПОСЛЕСЛОВИЕ ПРЕЗИДЕНТА ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА. Профессор Ясен Засурский	

ВСТУПЛЕНИЕ

ОСУЩЕСТВЛЯТЬ КОММУНИКАЦИЮ ЗНАЧИТ ДОГОВАРИВАТЬСЯ И ЖИТЬ ВМЕСТЕ

«Информация и коммуникация: это не одно и то же». Для большинства из нас это означает, что информация — это вещь серьезная, а коммуникация — нет. Да — информации, нет — коммуникации, всегда подозреваемой в стремлении соблазнить людей и манипулировать ими. Обычный стереотип. Я стремлюсь доказать как раз противоположное. Коммуникация носит более комплексный характер, чем информация в силу трех причин.

Прежде всего, не бывает коммуникации без информации, коммуникация при этом является более сложной, поскольку она ставит вопрос об отношении, то есть о Другом. С неуверенностью в результате, поскольку тот, кто передает информацию, редко имеет общие интересы с получателем информации. И наоборот.

Затем, в силу того, что существует противоречие между легитимностью информации и недоверием к коммуникации; причем, несмотря на то, что никогда ранее люди не уделяли столько времени попыткам осуществлять коммуникации, никогда не тратили столько денег на приобретение все более усовершенствованных технических средств для этих коммуникаций, как в последние полувек. К чему же это стремление принизить и раскритиковать эту деятельность и одновременно затрачивать на нее столько времени, энергии и денег? Лишить значимости коммуникацию, общение, к которому так отчаянно стремится каждый во всей своей жизни — личной, профессиональной, общественной, это, в конечном счете, равнозначно тому, чтобы лишить всякой ценности самого себя.

Наконец, как можно отождествлять информацию с благом, а коммуникацию со злом, когда на протяжении двух столетий оба этих феномена были неразрывно связаны друг с другом в борьбе за достижение свободы личности и общества? Вне связи с каким-либо проектом коммуникации никакая информация не существует. Какая-то шизофрения проявляется в том, чтобы демонизировать одну из них, придавая другой священный характер. Что же касается технических средств, от телефона до радио, от телевидения до информационных технологий, то они на протяжении всего своего существования играют ведущую роль в реализации стремления к свободе — индивидуальной и коллективной и повсеместно присутствуют в нашей жизни...

Именно в силу всех этих обстоятельств моя работа на протяжении уже ряда лет ставит своей целью не отделить «хорошую» информацию от «плохой» коммуникации, а переосмыслить оба эти феномена вместе взятые. Подчеркивая при этом сложившийся сегодня парадокс: повсеместное при-

сутствие технических средств коммуникации в открытом мире, перенасыщенном информацией, не является более достаточным условием для уменьшения *апории* коммуникации.

В этой книге я намереваюсь перевернуть доминирующий стереотип и показать, почему сейчас истинный вызов в большей мере связан с коммуникацией, чем с информацией. Передать информацию стало уже недостаточным для того, чтобы осуществить коммуникацию; более того, вездесущий характер информации становится препятствием на пути к осуществлению коммуникации; информационная революция делает ненадежным весь процесс коммуникаций. Кто бы мог предвидеть раньше такой результат. Проблема состоит уже не в том, чтобы информировать, а в том, какие условия необходимо создать, чтобы миллионы индивидов могли осуществлять коммуникации друг с другом, или, точнее, могли жить вместе в мире, где каждый всё видит и всё знает и где бесчисленные различия — языковые, мировоззренческие, политические, культурные, религиозные — еще больше затрудняют процесс коммуникации и препятствуют толерантности. Одним словом, информация — это послание, в то время как коммуникация предполагает отношение, гораздо более сложное.

Главный вопрос заключается не столько в том, чтобы разделять друг с другом то, что есть общего, сколько в том, чтобы научиться ставить под контроль те различия, которые нас разобщают. И всё это, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. В конечном итоге, в коммуникации самое простое связано с передачей послания и обеспечивающими ее техническими средствами, самое сложное — с людьми и обществами.

XIX век был веком информационной революции, сопровождавшейся завоеванием свободы. XX век стал веком триумфа информации и информационных технологий, с появлением коммуникаций, ставших доступными всем. XXI век должен стать веком совместного существования, в смысле создания условий для возможного сосуществования рядом различных точек зрения в очень тесном мире, где индивиды знают всё, и откуда им некуда бежать.

Это совсем далеко от классического дискурса, который превозносит информацию и враждебен коммуникации. Больше не представляется возможным выстраивать эти два феномена в иерархическом порядке. Оба они нуждаются в общем переосмыслении, причем с учетом дополнительных трудностей коммуникации, на пути которой стоят три проблемы — проблема отношения, проблема Иного, проблема получателей информации. Кстати, именно триумф информации в последние два

века, сам по себе, требует переосмысления статуса коммуникации. С триумфом информации была пройдена только половина пути.

Главная задача этой книги? Она состоит в том, чтобы переосмыслить феномен коммуникации в условиях триумфа информации и обеспечивающих ее информационных технологий.

Кризис капиталистической системы, разразившийся осенью 2008 г., ко всему прочему, привел к появлению множества критических оценок политической стороны соотношения между информацией, информационными технологиями и коммуникацией. Впервые в мировой истории народы прямо наблюдали за ходом кризиса и его последствиями. Несомненно, после этапа осмысления этот поток информации вызовет существенную критику в адрес экономистов, журналистов, политических деятелей, университетских профессоров, технократов, которые не смогли или не захотели увидеть приближения катастрофы. От них требуют отчетов, самокритики.

Этот кризис также представляет собой кризис финансовой информации, которая никогда не контролировалась и неразрывно связана с Интернетом, и по поводу которой вновь встает вопрос о *регуливании* этого средства, если действительно хотят, чтобы Интернет был орудием свободы. Помимо спекуляций причинами кризиса стали сама скорость распространения информации, отсут-

ствие контроля, разрегулированность финансовой сферы, пренебрежение общими интересами. Этот кризис стал первым мировым политическим событием, которое ставит на повестку дня вопрос о переосмыслении политических вызовов, связанных с информацией и коммуникацией. Подобно тому, как четыре десятилетия назад экологические кризисы ускорили понимание на уровне политического сознания — сегодня достигнутое — того, каким вызовом для политики являются вопросы охраны окружающей среды.

Сегодняшний вызов таков: в мире, перенасыщенном информацией, коммуникациями, информационно-коммуникационными технологиями, необходимо придать характер непреходящей ценности достижению свободы, которое было неразрывно связано с этими феноменами — информацией и коммуникацией — с XVI в. Нельзя допустить, чтобы информация и коммуникация, вчера бывшие факторами сближения людей, усиливали взаимное непонимание и ненависть, именно в силу того что все различия и «инаковость» стали более заметными. Таков основной смысл моих исследований в последние три десятилетия — дать новое обоснование ценностям информации и коммуникации как факторам продвижения к свободе в условиях, когда эти два феномена стали поистине вездесущими и чрезвычайно многозначными.

ГЛАВА I

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИЙ

Революцию XXI века следует назвать не информационной, а коммуникационной. Это должна быть революция не послания, а отношений. Революция, связанная не с производством и распространением информации с помощью всё более совершенных технологий, а революция условий восприятия информации или отказа от нее этими миллионами получателей информации, столь различных между собой и редко стоящих в одном ряду с теми, кто передает информацию. Получатели, которым предназначена информация, и делают процесс коммуникации все более сложным. Информация наталкивается на препятствие в лице Иного. Мечтали о «глобальной деревне», а вернулись вновь к Вавилонской башне.

I - ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИЙ

Разнородность получателей информации делает доминировавшую теорию устаревшей. Всё больший поток информации, распространяемый всё быстрее, на всё более равноправной основе, не способствует коммуникации (общению) и взаимопониманию. Получатели информации, то есть отдельные индивиды и целые народы, сопротивляются потоку информации, который вызывает у них беспокойство, они хотят иметь возможность представить другим свое видение мира. Отказ от коммуникации становится видимым пределом для коммуникации, заставляя изыскивать возможности договориться с тем, чтобы можно было жить рядом друг с другом. Парадоксально, не так ли? Сам по себе триумф информации высветил эти трудности трудности процесса коммуникации. На протяжении веков эти два слова, информация и коммуникация если не были почти синонимами, то, во всяком случае, шли рядом друг с другом в борьбе за свободу слова, политическое освобождение и права человека. Сегодня верх берет, скорее, информация; подчеркивается, что коммуникация связана с ней «автоматически». Завтра основным вызовом станет именно проблема коммуникации, то есть условия приемлемости информации и достижения договоренностей о них для получателей информации, идущей к ним со всех сторон. *Информация стала избыточной, коммуникация — всё более редким явлением.* Произвести информацию, обменяться ею или получить ее больше не достаточно для того, чтобы осуществилась коммуникация.

Вчера, на базе несовершенных по своим возможностям технологий, послания, обмен которыми производился, касались более однородной аудитории. Сегодня число посланий колоссально, технологии почти достигли совершенства, а получатели информации стали все более многочисленными, разнородными и неохотно воспринимают эту информацию. Дело не столько в языковых

барьерах, сколько в столкновении разных представлений, культур, картин мира. Ускорение производства и передачи всё большего количества информации перестало быть достаточным для расширения коммуникаций. Напротив, поток информации даже усиливает взаимное непонимание и увеличивает число спорных вопросов. Впервые в истории возникает такой разрыв между информацией и коммуникацией.

Именно в силу этого информация и коммуникация становятся ключевыми в проблемах войны и мира в XXI в. Как жить рядом, когда люди «не слышат друг друга», когда различия становятся всё более заметными благодаря всё более совершенным технологиям? Или удастся создать условия для того, чтобы люди могли жить рядом с учетом различных точек зрения, с соблюдением двойного императива — уважать одновременно и разнообразие культурных идентичностей и общие «рамочные» правила для коммуникации. Или же в большей или меньшей степени враждующие культурные (этнические, конфессиональные) идентичности окажутся «заключенными» в гетто и в рамки коммунитаризмов. Таким образом, именно потому что всё больше увеличивается поток информации, всё чаще при этом отсутствуют коммуникации, взаимодействие, общение. Еще тридцать лет назад такой результат невозможно было себе представить!

Информация

Что следует понимать под словами информация, послание, коммуникация и отношение? Есть три больших категории информации: устная; через изображения; через текст, данные; все они могут быть включены на какие бы то ни было носители. *Информация-новости* связана с прессой. *Информация-услуги*: ее поток расширяется в мировых масштабах, в частности через Интернет. *Информация-знания* связана с развитием баз и банков данных. Остается еще *информация-отношение*, которая проходит через все три категории и которая связана с человеческой стороной процесса коммуникации.

Коммуникация

Люди осуществляют коммуникации в силу множества причин, но можно выделить из числа этих причин три, которые часто переплетаются друг с другом и имеют различные места в иерархии ценностей в зависимости от обстоятельств; все они, однако, побуждают нас вступать с кем-нибудь в контакты. Прежде всего, *стремление поделиться*. Каждый стремится к общению, чтобы поделиться, обменяться мыслями, чувствами. Смысл этого весьма человеческий, эмоциональный, фундаментальный и неотвратимый. Жить значит общаться, стремиться поделиться чем-либо с дру-

гим, как можно чаще и как можно более полно. Затем, *стремление соблазнять*, покорять, которое присутствует во всех человеческих и социальных отношениях. Наконец, *стремление убеждать*, связанное с логикой убеждения, используемого для того, чтобы объяснять и отвечать на вопросы. Идеал общения, безусловно, связан со стремлением разделить свои чувства, с любовью. Во всяком случае, это — тот пример, когда общение проходит через настоящее, позволяет вновь обрести прошлое, делает всё возможным в будущем. Мгновения благодати... Коммуникация в данной работе связана с голосом, текстом, образами; за недостатком места невербальное, физическое общение не рассматривается. Каждый, однако, хорошо знает, что жест, взгляд, улыбка могут значить гораздо больше, чем слова. Не говоря уже о молчании, которое часто утверждает противоположное тому, что выражается словами и жестами. Здесь мы ограничиваемся классическим определением, когда информация связана с единством и с посланием. Коммуникация, напротив, связана с отношением, стремлением поделиться, с достижением договоренностей. Вчера горизонт норм ограничивался установлением коммуникации, сегодня речь идет, скорее, о том, чтобы управлять отказами в коммуникации путем достижения договоренностей, для того чтобы создать условия, которые позволят людям сосуществовать друг с другом, жить рядом.

Получатели информации

Это третья линия разрыва между информацией и коммуникацией. Сейчас недостаточно информировать, чтобы осуществить коммуникацию, не только потому что посланий все больше, и коммуникация требует их отбора, но и потому что возрастает роль получателей информации.

Получатели информации договариваются, фильтруют информацию, выстраивают свою иерархию, принимая бесчисленные послания, которые они получают, которые *мы все* получаем ежедневно. Получатели информации, никогда и не бывшие пассивными, становятся всё более активными, чтобы оказывать сопротивление адресованным им потокам информации. Следовало бы, кстати, говорить, скорее, о *получателе информации акторе*, чтобы подчеркнуть динамическую сторону, требуемую для этой функции. Повысить статус получателей-акторов означает также повысить значимость коммуникации, как это сделали современные авторы, увы, не слишком многочисленные, например, Юрген Хабермас, Умберто Эко, Мишель Серрес, Эдгар Морен, Режи Дебре и некоторые другие. Нет более грубого упрощения, чем многочисленные рассуждения, в большей или меньшей мере враждебные коммуникации, приносящие статус получателя информации, которого всё время считают глуповатым и легко поддающимся манипуляциям. В любом случае, легко поддается чужому влиянию всегда другой, а ты сам — никогда!

Коммуникация является результатом сложной игры с участием трех факторов. Получатель информации не всегда прав, это далеко не так, иначе утвердился его диктат. Но он делает необходимым переход от идеи передачи информации к идее достижения договоренностей. Вчера коммуникация означала передачу информации, потому что отношения между людьми чаще носили иерархический

характер. Сегодня это подразумевает в большинстве случаев достижение договоренности, поскольку индивиды и группы чаще действуют на равных. *К тому же сама по себе концепция необходимости достигать договоренностей составляет неотъемлемую часть демократической культуры.* В авторитарном или тоталитарном обществе достижению договоренностей нет места. Если внимательно взглянуть на реальную жизнь, то каждый сегодня занят тем, что договаривается: в супружеской паре или паре влюбленных, в семье, в школе, на предприятии, в обществе, в Европе, в мире... Гораздо меньше вещей сегодня навязывается, о гораздо большем числе — договариваются. И чем больше информированы индивиды, чем чаще они подвергают что-либо критике и чаще договариваются.

Я могу здесь вкратце охарактеризовать 5 этапов схемы, которая служит для объяснения той теории коммуникаций, которую я здесь отстаиваю и которая касается, как коммуникаций непосредственно между людьми (общения), так и коммуникаций, опосредованных техническими средствами.

Во-первых, коммуникация неотъемлемо присуща человеку. Не бывает ни частной жизни, ни жизни в коллективе без стремления разговаривать друг с другом, общаться, обмениваться на индивидуальном и коллективном уровнях. Жить значит общаться. *Во-вторых*, человеческие существа стремятся общаться друг с другом в силу трех основных целей. Поделиться. Убедить. Соблазнить. И очень часто со всеми тремя целями одновременно. *В-третьих*, коммуникация иногда наталкивается на отказ от коммуникации. Получателю информации чужды интересы тех, кто направляет информацию, или он не согласен с информацией. *В-четвертых*, начинается фаза достижения договоренности, где главные действующие лица, более или менее свободно, на равных ведут переговоры, договариваются, чтобы найти точки соприкосновения. *В-пятых*, результат, когда он положительный, называется совместным существованием, с присущими ему сильными и слабыми сторонами. Поиски договоренности и путей к сосуществованию как процесс имеют своими целями избежать отказа от коммуникации и его последствий, нередко сопряженных с враждебными действиями.

* * *

Эта теория коммуникаций, внешне не слишком пафосная, основана на гипотезе, что ни один индивид, ни одно общество не могут существовать без коммуникаций. *Это утверждение имеет пять следствий.* Пределом для коммуникаций нередко бывает отказ от коммуникации, что проявляется, в частности, в разрыве между информацией и коммуникацией; невозможно свести коммуникацию к чисто техническим действиям; необходим поиск договоренностей между партнерами, и на горизонте — целью является совместное существование. Структурный отказ от коммуникации явно основан на равноправии участников, иначе не может быть переговоров; и это делает теорию коммуникаций реалией, неотъемлемо связанной с демократической культурой.

рой, и процессом более широким, чем просто поиска выражения. Итак, не может быть коммуникации без минимума затраченного времени, без взаимного уважения и доверия; таким образом, *толерантность* представляет собой одно из структурных условий любого процесса коммуникации. Наконец, любая теория коммуникаций несет в себе негласно подразумеваемую систему восприятия общества и социальных отношений, в зависимости от того, принимается ли модель более или менее открытая; модель эгалитарная или же иерархическая. Отстаиваемая здесь концепция является гуманистической, она отдает приоритет не технике, а человеку, с учетом индивидуального опыта людей и социального опыта взаимодействия. Это также концепция политическая, в том смысле, что она отдает предпочтение поиску договоренностей с целью достижения компромисса.

* * *

В конечном итоге, существуют две концепции коммуникаций, противостоящие друг другу. Первая концепция, которая является в значительной степени доминирующей, делает упор на совершенствование технологий, обеспечивающее развитие коммуникаций в своего рода континууме, постоянной среде, и связывает его дальнейшее развитие с бурным ростом отраслей, которые являются наиболее динамичными в современном мире. Вторая концепция, которой придерживается меньшинство и которую я отстаиваю, рассматривает в первую очередь антропологическую сторону процесса коммуникации и отводит приоритетное значение политическим мерам, которые следовало бы осуществить, чтобы отказ от коммуникации индивидов и народов не стал источником конфликтов между ними. Для обеих концепций характерны разные подходы к технологиям и к человеку.

* * *

Такова теоретическая модель, которая лежит в основе эмпирических исследований, которые я веду уже много лет в пяти основных направлениях: это — отношение между наукой и технологиями; средства массовой информации и интернет, общественное пространство и политические коммуникации; глобализация и культурное многообразие в Европе; соотношение между наукой, теорией познания и коммуникацией.

II - ОТ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ К ТРУДНОСТЯМ КОММУНИКАЦИИ

Возможно, положительный вклад информационно-коммуникационной революции уже исчерпан, даже если, чтобы достичь этого, потребовалось три века борьбы. Всё становится более сложным в условиях, когда информация приобретает всеобщий характер, когда существует множество разнородных получателей информации, которые критически оценивают глобализацию. Во всяком случае, вплоть до последнего времени существовало упрощенное представление об информации, которая сводилась к посланию, чаще всего одностороннему, и о получателе информации, который, в конечном итоге, не создавал больших слож-

ностей, о наличии между отправителем и получателем информации своего рода континуума, непрерывной среды. Предполагалось также, что всё большие объемы информации, передаваемые всё быстрее, будут способствовать расширению коммуникации. Такова была универсальная модель коммуникации. Теперь ясно, что ее реализацию следует надолго отложить. И всё это, несмотря на ошеломляющее развитие коммуникационных технологий (а может быть и из-за него) на протяжении одного века: 1880 г. — появление телефона, 1900 г. — радио, 1930 г. — телевидения, 1940 г. — информатики, 1980 г. — сетевых технологий.

Все стремятся к взаимопониманию, но очень скоро обнаруживают, как этого трудно достичь. Даже дети. При коммуникации всегда встает проблема *Другого*, в конечном итоге, очень сложная, на уровне, как индивидуального, так и коллективного опыта, несмотря на повсеместное распространение информационных технологий, их высокую эффективность и свободу индивидов. Всё должно было бы происходить быстрее, но осуществляется всё медленнее. Достаточно посмотреть, сколько времени мы тратим, стараясь понять друг друга, несмотря на обилие всё более совершенных, имеющихся в нашем распоряжении технологий. Дело в том, что дьявол инаковости проникает во все наши контакты. Другой — это я, он, она, каждый. Или, говоря иными словами, *отсутствие коммуникации, которое представляет собой предел коммуникации*. А отсутствие коммуникации, взаимопонимания, столь частое между поколениями (отцов и детей) — это своего рода метафора для понимания отсутствия коммуникации вообще. Полный переворот по сравнению с политической и культурной схемой, которая лежала в основе двойной информационно-коммуникационной революции, начиная с XVI в. Глобальная деревня стала реальностью с точки зрения технологий, но не в социальном, культурном и политическом отношении.

К тому же выявить пределы, ограничивающие коммуникацию, стало возможным только после триумфа информации, символом которого сегодня стал Интернет. Именно эти выявленные нарушения коммуникации ставят на повестку дня проблему переосмысления информации как феномена и делают этот вопрос одним из ключевых вопросов начала XXI века. *Как мирно сосуществовать друг с другом в мире, где все всё видят и обо всем узнают и где различия стали более заметными, и о них труднее договориться?* Отсюда следует необходимость перейти от идеи поделиться с кем-нибудь к идее переговоров и сосуществования, что делает еще более явной связь между коммуникацией и демократией. Чем является на самом деле демократия, если не поиском договоренностей и мирным сосуществованием точек зрения, зачастую противоположных друг другу? Поэтому сам концепт коммуникации мог утвердиться как концепт гуманистический и демократический только после победы всех революций, целью которых были свобода и равенство людей.

Мы находимся весьма далеко от коммуникации, сведенной к термину в Интернете — *com*. Что это такое *com*? Это стремление нравиться, соблазнять, убеждать. В конечном итоге, почти то же самое, что коммуникация. С тем же желанием,

чтобы эти стремления успешно реализовались. Каждый прибегает к этому повседневно, во всех профессиях, на всех уровнях иерархии, в любом возрасте. Кому же не хочется нравиться? Но никто не хочет этого признавать, как будто бы жизнь — это только рациональные и серьезные вещи, и в ней нет места эмоциям. Ну и программа! Станный процесс представляет собой это постоянное отрицание значимости коммуникации в Интернете, *com.*, к которой мы стремимся, никогда не признаваясь в этом, и которой также трудно достичь как настоящей коммуникации! Легче, таким образом демонизировать коммуникацию в Интернете, *com.*, чем констатировать, что часто она является преддверием настоящей коммуникации. Она стала прекрасным козлом отпущения в битвах коммуникации, в которых мы потерпели поражение. Более того, коммуникации из Интернета, *com.*, ставят в упрек стратегии соблазнения и манипуляции. Но кто не использовал в своей жизни и то, и другое? Превосходное лицемерие, которое позволяет и здесь завуалировать тот факт, что не всегда так уж легко соблазнить другого и манипулировать им....

Отсюда возникает этот интерес к *техническому прогрессу*, зачарованность им. В этом, по крайней мере, меньше двусмысленности и больше рациональности. Даже если на другом конце сетей, технологий, находятся не другие сети, а люди и общества. С технологиями всё становится проще, с людьми и обществами — всё усложняется. *В действительности коммуникация* имеет три грани. Самая заметная и приносящая удовлетворение — это технологии. Самое трудное, наиболее сложно поддающееся дешифровке и управлению — это сторона культурная. Наиболее многообещающая, с колоссальным развитием обменов и технологий — сторона экономическая.

Таким образом, можно сказать, что горизонты коммуникации являются: возможность поделиться, убедить, соблазнить, оказать влияние, совместно сосуществовать, с одной стороны, и отсутствие коммуникации, с другой. И если технологии находятся на высоте, то люди и общества — не всегда, поэтому технический прогресс — это одновременно и лучшее, и худшее для коммуникации. Он позволил преодолеть ограниченность коммуникации, умножил возможности направлять послания и осуществлять связи, но он не увеличил коммуникацию пропорционально росту эффективности технологий. Он сделал более заметными испытания, связанные с нарушением коммуникации. Все оказалось ужасным образом перевернуто с ног на голову, причем пока не хотят осознать влияния этого: так, вот уже двадцать лет как весь мир с головой погружается в миф Интернета, в убеждении, что 6,5 млрд. «интернавтов» смогут достичь «подлинной» коммуникации...

В своей современной форме коммуникация является результатом тройной революции: свобод человека, демократических моделей и технического прогресса. Сегодня мы находимся на перепутье. Коммуникации угрожают две другие идеологии. *Индивидуализм*, то есть сведение коммуникации к выражению своих взглядов и интерактивности. *Коммунитаризм* — то есть маргинализация вопроса «инаковости» и возможность оказаться замкнутыми в виртуальных пространствах.

III - КОММУНИКАЦИЯ — ЭТО СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

Трудности происходят также оттого, что информация и коммуникация имеют каждая по две стороны, в большей или меньшей степени противоречащих друг другу, но неотделимых друг от друга. *Нормативная* сторона информации отсылает к идее истины, а *нормативная* сторона коммуникации — к стремлению поделиться. Другая сторона, *функциональная*, в большей степени призванная служить инструментом, связана с тем, что в современных обществах, в конечном итоге, весьма сложных, нельзя жить без информации, связей, взаимодействия. Переосмыслить отношения между информацией и коммуникацией, таким образом, означает рассмотреть оба этих концепта в их двойном значении, не пренебрегая ни одной из этих сторон. Потому что именно их нормативные стороны определяют их пределы: истину — для информации, стремление поделиться — для коммуникации. Иначе говоря, от самой несерьезной информации до самой продажной коммуникации горизонт один: поиск другого и отношения. Доказательством этого может служить то, что индивиды никогда не забывают об идеале взаимопонимания, который скрывается за рецептами и карикатурами. Именно в этом плане идеология информации и коммуникации, несмотря на все перипетии и искажения, участвует в стремлении к демократическим идеалам. С коммуникацией в Интернете (*com.*) и с информацией о жизни знаменитостей (*information people*), мы все *еще* находимся в пространстве с одной системой координат. Следует, таким образом, рассматривать вместе нормативные и функциональные стороны, как информации, так и коммуникации. Это составляет четыре стороны, которые совместно способствуют осуществлению социальных связей.

В силу также именно этой причины информация и коммуникация, несмотря на всю их неоднозначность, участвуют в решении великого вопроса «*массового общества индивидуалистов*», где каждый одновременно стремится к двум противоречащим друг другу ценностям: личной свободе и всеобщему равенству. Что обеспечивает связи в открытом обществе, где ко всем различиям относятся толерантно, или их, во всяком случае, утверждают и отстаивают? Как примирить друг с другом свободу и равенство, индивидуализм и коллективную идентичность? *Проблема коммуникации — это проблемы сосуществования и социальных связей в современном обществе, постоянно меняющемся, интерактивном, в обществе высоких скоростей, свободы и равенства.* Эти социальные связи, являются столь хрупкими в открытом обществе, незащищенном от тайфунов неуправляемой глобализации, и, надеюсь, рассматриваемая здесь теория коммуникации, ставящая во главу угла сосуществование, сможет способствовать обновлению теоретических и практических условий для них.

Вчера социальные связи касались отношений между относительно стабильными социокультурными структурами. Сегодня ситуация почти противоположна, все находится во взаимодействии. Процессы информации и коммуникации способствуют тому, чтобы структурировать, через множество взаимодействий, новое общественное пространство, с более динамичными и одновременно

более непрочными социальными связями. Повышение ценности концепта сосуществования помогает также переосмыслить вопрос о природе социальных связей в современных обществах, где отношения между главными действующими лицами носят интерактивный характер, их число возрастает, и они становятся все более противоречивыми. Отводить главное место в коммуникации и в функционировании публичного пространства сосуществованию — это значит осмысливать необходимость управления и контроля одновременно над различиями, свойственными нашим обществам, и над соблюдением принципа единства с тем, чтобы в перспективе внести изменения в существующие ныне характерные черты социальных связей. К тому же, чем являются социальные связи, если не чудом: как удерживать вместе в одном обществе индивидов, группы, общества, социальные классы, которые между тем всё разделяет?

В целом коммуникация, сосуществование и социальные связи являются структурными элементами модерна и нового видения пространства — времени. Коммуникация *хорошо* отражает множество противоречивых стремлений наших современных обществ, где люди часто одновременно придерживаются противостоящих друг другу ценностей: свободы и равенства, открытости и сохранения идентичности, глобализации и локальных интересов. Нормативный концепт сосуществования, в конечном итоге, оказывается весьма точно отражающим характерные черты современного общества. *Сосуществование выступает как символ будущих норм, необходимых для того, чтобы удерживать вместе противоречащие друг другу ценности и параметры.*

Но это еще не всё. Сложные соотношения между информацией и коммуникацией сопровождаются *также* появлением двойного смысла. В политической и интеллектуальной традиции информация отсылает к идее нового, возникающего и, в большей или в меньшей степени, вызывающего разрывы. Это относится к прессе, но носит и гораздо более общий характер. Информация — это событие или факт, который нарушает ранее существовавший порядок вещей, и в этом ее сила. Что касается коммуникации, то она ассоциируется с установлением связи, со стремлением поделиться,

со стремлением к «сопричастности». Сегодня с всеобщим распространением информационных систем происходит полный переворот в смысле этих понятий, что особенно заметно в Интернете. *Информация* становится тем, что устанавливает связь, а горизонтом для нее становится информационное общество. Этот смысл противоположен информации — разрыву. Когда всё представляет собой знаки и взаимодействие, *информация становится связью*. Достаточно посмотреть на то, как молодежь делает для себя Интернет единственным источником информации и в итоге коммуникации, причем молодые люди придают ему легитимность и оказывают ему безграничное доверие.

Напротив, мы наблюдаем такие же изменения в смысле слова *коммуникация*. Оно сегодня значит гораздо меньше в классическом смысле разделения общих ценностей и в большей степени подразумевает идею сосуществования, что связано с необходимостью удерживать вместе разнородные логические схемы. Вчера коммуникация означала делиться, объединять или воссоединять. Сегодня это, скорее, значит мирно сосуществовать рядом друг с другом и держать под контролем разрывы. Каждый из двух концептов — информация и коммуникация — таким образом, взял себе часть системы координат у другого.

Информационная и коммуникационная революция, в том смысле, в котором я ее понимаю, таким образом, переворачивает все отношения между коммуникацией, культурой, знаниями и делает необходимым переосмысление условий социальных связей в современных обществах. В силу этих причин теория информации и коммуникации, в конечном итоге, неотделима от представлений об обществе, если не от теории общества. Парадокс сегодня заключается в том, что никогда раньше так остро не стоял вопрос коммуникации, взаимодействия: до такой степени, что на нем хотят основывать модель общества, причем это происходит в тот момент, в который, как никогда прежде, существует так много физических перегородок между людьми и так же много преград на пути к взаимопониманию — между богатыми и бедными, между стариками и молодежью, между иммигрантами и всеми остальными, между теми, кто перекормлен новыми технологиями, и теми, кто лишен доступа к ним...

Какова главная задача, поставленная в этой книге? Переосмыслить статус коммуникации, оценить его с учетом трех прорывов, произошедших за последние 50 лет. Эти три прорыва — победа информации; триумф технологий, в результате которого стали интегрированными воедино телекоммуникации, информационные технологии, аудиовизуальные средства; глобализация, ускорившая два первых триумфа. В чем состоит вызов? Вывести информацию и коммуникацию из-под власти технологий, которая так же затрудняет размышления о коммуникации, как растущая эффективность технологий затушевывает неизбежные провалы коммуникации между людьми и обществами. Переосмыслить переход от информации к коммуникации значит, таким образом, рассмотреть коммуникацию без технических средств ее осуществления, вернув технологии на свое место.

I - ОТ ТЕХНОЛОГИЙ К ИДЕОЛОГИИ ТЕХНИЦИЗМА

В чем заключается идеология техницизма по отношению к коммуникации? Это значит, что технологиям доверяется решение общественных проблем, которые не относятся к их сфере компетенции. Далее, следует верить в то, что если завтра технических средств будет больше, то есть если, например, в мире будет 6,5 миллиардов «интернетов», то индивиды будут лучше понимать друг друга. Это значит подчинять прогресс в коммуникации между людьми и обществами техническому прогрессу. Затем, это значит придавать технологиям способность произвести структурные изменения в модели общества. Наконец, это значит запутывать смысл слов, говоря, например, о цифровой цивилизации и цифровом обществе, об информационном обществе, о цифровой демократии, о сетевом обществе... Слова, которые отсылают к идее всемогущества технологий, потому что они дают название обществу, в котором применяются. Это значит смешивать две реальности разной природы — технологию и общество, делая из технических средств центральную нервную систему модели общества. Тем более что они связаны с основой человеческой деятельности: коммуникацией. О ядерном обществе речи не ведут.

Идеология техницизма — это не просто одна из идеологий среди прочих. Конечно, не бывает общества без идеологии, без связей, объединяющих социальные группы в сферах политики, религии, культуры, связей, которые эволюционируют на протяжении времени и являются необходимыми для жизни общества. То, что я подвергаю здесь критике, — это идеология техницизма, одна среди прочих, которая состоит в том, чтобы приписывать чрезмерную, определяющую нормы власть

коммуникационным технологиям, с тем, чтобы рассматривать их как главный фактор организации общества, придающий ему смысл существования. К тому же, путаница еще происходит из-за терминов, термин коммуникационные технологии объединяет и технологии, в развитии которых, действительно, можно говорить о значительном прогрессе, и коммуникацию, в которой подобного прогресса не наблюдается. Технический прогресс оказывается недостаточным для того, чтобы обеспечить прогресс в коммуникации между людьми и обществами. Устанавливают ли люди, погруженные в мир передовых технологий, более совершенную, с точки зрения взаимопонимания, коммуникацию друг с другом, чем 50 лет тому назад? Отсюда исходит мечта, осуществление которой беспрестанно откладывается: о том, что более совершенные технологии будут способствовать лучшей коммуникации. Сегодня символом этого, возможно еще в большей степени, чем компьютеры, стали мобильники, такие как смартфон «блэкберри». Иметь доступ ко всему миру с помощью нажатия кнопок, иметь возможность всё сделать, послать и получить что угодно, создает чувство всемогущества и безопасности. Как же может коммуникация закончиться провалом, когда есть такие эффективные средства для нее и столько возможностей для взаимных контактов?

Что такое коммуникационные технологии? Это коммуникация без провалов коммуникации. Они создают сплошную среду между информацией и коммуникацией там, где коммуникация между людьми часто терпит провал. Они основаны на технологии передачи информации, которая соединяет воедино скорость и эффективность технологий, с одной стороны, и непредсказуемые результаты, сложности в коммуникации между людьми, с другой. Переосмыслить отношения между информацией и коммуникацией значит, таким образом, рассмотреть коммуникацию отдельно от обеспечивающих ее технологий и помнить, что технологии, несомненно, облегчают условия для коммуникации между людьми, но, если внимательно посмотреть на события прошедшего века, то ясно видно, что их для этого недостаточно. *Средства массовой информации, передача информации, их взаимодействие не обязательно тождественны коммуникации.* Да, произошел значительный прогресс технологий, что позволяет улучшить условия для социальной коммуникации. Но технические средства сами по себе никогда не будут достаточными для того, чтобы разрешить сущностную апорию коммуникации между людьми, или тогда мы приблизимся к «интерактивному одиночеству».

Каковы симптомы нашей зависимости от коммуникационных технологий? Понаблюдайте за

нашим физическим состоянием, когда мы лишены доступа к компьютеру и/или к мобильному телефону в течение более двух дней... Немыслимо... Многие из нас от этого прямо становятся больными. Эта зависимость гораздо более красноречиво характеризует положение, чем любые рассуждения. Но как же обстояло дело раньше, какие-нибудь тридцать лет назад или даже меньше? А как обходятся без этого и сегодня более трех миллиардов человек? И чего стоит этот мир, живущий «в режиме реального времени» или в одном времени, когда более миллиарда индивидов в нем голодают? Это парадокс тем более удивительный, что наша зависимость от компьютера и мобильного телефона означает также, что мы согласны с тем, что благодаря этим технологиям можно *отследить*, где мы находимся, в то время как на протяжении веков освобождение связывалось с освобождением от любых внешних сил (религиозных, политических...). Коммуникационные технологии внесли вклад в это освобождение, и именно в тот момент, когда индивид свободен, независим от каких либо властей, он сам ставит себя в подчинение, на этот раз добровольно, технологиям, которые ранее способствовали его освобождению. Можно привести множество примеров «добровольной крепостной зависимости». Исторические связи между освобождением и развитием коммуникационных технологий настолько сильны, что пока большинство «юзеров» не замечает нового состояния зависимости, в которое мы сами себя ставим. От средства освобождения до инструмента отслеживания всего один шаг, пройденный за жизнь одного поколения и пока не вызвавший заметной реакции... Технологии пожрали своих детей, тем более что то, что мы любим в этих технологиях — скорость, эффективность, интерактивный характер и чувство свободы, которое возникает в связи со всем этим — весьма далеко от идеи осознания зависимости...

Интерактивный характер, магическое слово, символизирующее смешение свободы и разума. Зависимость столь сильна, что свободу отождествляют с возможностью «множественного подключения» к технологиям. Однако Интернет — это просто сеть, сеть, в которую можно попасть, в противоположность свободе, символом которой он является. Пока в Интернете все видят только свободу, а не средство контроля. Почти что новый *habeas corpus*, хабеас корпус, гарантия личной свободы, шанс на освобождение, на свободу передвижения. Таким образом, с идеологией техницизма, мы перешли в Зазеркалье. Все становится индивидуальным, без проблем коллективизма. «Делать, что я хочу, как я хочу» становится «цифровой свободой», гарантированной «свободным доступом» и расширенной благодаря «всеобщей интерактивности». Эта зависимость — явление совсем недавнее, даже если можно найти в ней много общих черт с теми неслыханными надеждами, которые были связаны с возникновением кабельного телевидения 50 лет назад или с радио в 1930 годах.

Идеология техницизма проявляется еще и в том, что *предаются забвению* прошлые технологические революции: никогда ничего не сравнивать и считать, что всё началось сегодня. Никакой истории, никакой компаративистики. Это также позиция, которая не терпит никакой критики, и тре-

буется, чтобы все стали ее приверженцами. С идеологией техницизма, как и с другими идеологиями, выбора нет. Или всё или ничего. Любая критика приравнивается к технофобии или к проявлению консерватизма. Пример? Детей критикуют за часы, проведенные у телевизора, подозревая, что телевидение приводит к отчуждению, но ничего подобного не говорят о часах, проведенных у компьютера. Почти наоборот, в этом видят некоторое проявление ума и открытости духа. Некоторые даже мечтают о том, чтобы дети начинали пользоваться компьютерами уже в детском саду. Почему же не отступить еще дальше? Почему кризисы и угрозы всё еще недостаточно осознаны?

XIX и XX века — это два великих века одновременно для свободы информации, коммуникации и технологий. Конец XX века был периодом, когда стали смешивать технический прогресс и прогресс в коммуникации. Возможно, в начале нового века смогут *отделить друг от друга* чудеса технологий и апории (безвыходные положения) коммуникации. Вплоть до настоящего времени коммуникационные технологии всегда сопровождали движения освобождения, сегодня проблемы меняются, но этого не желают видеть. *Наиболее зависимые от Интернета говорят о нем только как об «инструменте»*. И в то же самое время превращают его в орудие, которое должно «революционизировать» и «сделать свободными» отношения между людьми и социальные связи. Происходит одновременно псевдо-банализация и чрезмерное повышение ценности Интернета, в результате чего возникает своего рода утопия — идеология, которая часто подменяет политические идеологии, переживающие кризис в настоящее время, и которая соответствует господству индивидуализма, мечтам об иных моделях социальных отношений, а также выступает как средство контролировать глобализацию, в результатах которой нельзя быть уверенным. Эта утопия — идеология — и в этом ее сила — вновь оживляет мечты о солидарности, на этот раз в масштабах всей планеты. Технологии позволяют вновь обрести непрерывность там, где коммуникация обнаруживает отсутствие или нарушение коммуникации. Именно в силу этих причин пока на настоящий момент игнорируются такие факты, как риск использования технологий для отслеживания индивидов, вплоть до утраты ими свобод, и реальность «интерактивного одиночества; ничто, похоже, не может поколебать мощь парадигмы техницизма.

II - ИНТЕРНЕТ: МЕЖДУ УТОПИЕЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ

Прежде всего, следует различать ту роль, которую играет Интернет при диктатуре и при демократии. При диктатуре Интернет, наряду с радио, телевидением, печатной прессой, мобильной телефонией, является необходимым средством в борьбе за свободу информации и орудием, используемым оппозицией для критики режима. Напомним, однако, что борьба за освобождение началась не с появлением Интернета и ведется вот уже полтора столетия. Напомним также, что инструмента недостаточно для того чтобы создать функцию. Если бы не деятельность активистов «Эмнисти интернэшнл», различных неправительственных организаций и ассоциаций, то одних

технологий было бы явно недостаточно для возникновения критически настроенного общественного мнения и осуществления политических действий. Интернет адаптирован к глобализации при условии, если не рассматривать его как единственное оружие в борьбе за освобождение. К тому же диктаторские и авторитарные режимы также умеют использовать его для усиления репрессий и для кампаний по дезинформации и манипулированию общественным мнением. Короче говоря, Интернет, хотя он и является важным орудием борьбы за права и свободы, не только не заменяет другие технологии и процессы, но, к тому же, не лишен в этом плане некоторой двусмысленности. Следует также подчеркнуть ту положительную роль, которую играет Интернет для диаспор во всем мире. Они находят в нем несомненное средство для коммуникации, в особенности для информации — прессы и для информации — услуг. Но Интернет не заменяет потребности в личных встречах. Напротив, он увеличивает ее. Чем больше и легче можно обмениваться сообщениями, тем больше желание увидеться физически. И тем лучше. Мы же существа общественные, а не существа информационные. В любом случае следующие далее высказывания относятся не к роли Интернета при диктаторских режимах, но к его роли при плюралистической демократии.

Интернет хорошо демонстрирует всю соблазнительность этого смешения утопии и идеологии. Я уже посвятил несколько работ Интернету и связанным с ним вызовам (в частности *Internet et ar-gès?* Интернет, а что потом?, 1999), и здесь я хотел бы просто вновь затронуть этот вопрос с точки зрения отношений между информацией и коммуникацией. Популярность Интернета, особенно среди молодежи, бесспорна, даже если истинный прорыв касается в большей степени мобильного телефона, независимо от расширения спектра предлагаемых им услуг, поскольку он является, прежде всего, средством коммуникации между двумя людьми *посредством голоса*. Настоящим частным пространством стало пространство мобильного телефона, где можно передать друг другу все, что угодно, в особенности в плане эмоций. Самое важное в частной или в публичной жизни всё меньше проходит через Интернет. Вчера получать письма по электронной почте было привилегией, почти что символом власти, сегодня это настоящая барщина. Все тратят кучу времени, посылая письма по электронной почте, получая, сортируя их и отвечая на них. Доступная информация превратилась в тиранию. Для того чтобы серьезно работать, нужно закрыть себе доступ к этому техническому средству, иначе никакого времени не хватит. Мечта подчас оборачивается кошмаром; к тому же каждый знает, что наиболее важная информация, связанная с осуществлением власти и ее решениями, *никогда* не распространяется в Интернете, а передается по телефону или сообщается живым голосом. Короче говоря, экстраординарная открытость интерактивного информационного пространства благодаря Интернету не приводит к фундаментальным изменениям в очень сложных отношениях, с помощью которых индивиды управляют и манипулируют соотношением информация — власть — тайна — слухи. И здесь также эффективность технологий недостаточна для того,

чтобы изменить взаимоотношения человека с властью и информацией. Во всяком случае, есть не только Интернет, но также, и во всё возрастающих объемах, радио и телевидение. Цифры позволяют сделать сравнения. В мире насчитывается 4,5 миллиардов радиоприемников, 3,5 миллиардов телевизоров, 2,5 миллиардов мобильных телефонов, 1,8 миллиардов компьютеров.

Следует также напомнить, что технологическая конвергенция между информатикой, телекоммуникациями, аудиовизуальными средствами не означает исчезновения различий идентичностей и стилей жизни... *Носитель и содержание информации — это разные вещи*. Или тогда кино должно было бы исчезнуть уже 50 лет назад с распространением телевидения. Соотношение сил между этими тремя гигантами еще станет причиной слияний компаний в промышленности, финансах, интеграции технологий, и не только потому, что всё сольется вместе с точки зрения предоставления услуг и приложений. Напротив. Чем больше технологии рационализируют и соединяют воедино голос, изображение, текст, звук, тем больше различия культурного порядка касаются самой сущностной *природы* деятельности, то есть самого что ни на есть важного. Это битвы послезавтрашнего дня. Сегодня завораживает конкурентная борьба различных технических средств, с множеством приложений, завтра это будет борьба *разнообразия* содержаний.

Каковы же составные части возможностей соблазна потребителей у Интернета с точки зрения соотношения между информацией и коммуникацией. Слова, которые приходят на ум, мощные и точные: свобода, мобильность, гибкость, скорость, интерактивный характер, инициатива, участие, инновация, противостояние власти, освобождение, глобализация... Очарование Интернета можно резюмировать тремя словами: скорость, свобода, интерактивность. Разрыв культур и поколений по отношению к средствам массовой информации. Господство индивида, победа информации, которую можно искать где угодно и когда угодно, и эта возможность почувствовать себя умным, компетентным, подключенным к сети, способным перемещаться в ней без необходимости получения чьих-либо разрешений. Одним словом, чувство уверенности в себе. Все это правда. С Интернетом возникает впечатление, что тебя не связывают никакие институты и их жесткие рамки. Всё возможно, действительно достигнута новая граница. Индивид и информация — короли, и для всего этого поколения — это «политическая утопия»: обходить власти, структуры, находить группы единомышленников. Проявлять смелость и шутить в играх на расстоянии, выйти за пределы официального информационного пространства, перенасыщенного информацией, создать новый круг общения и некую форму утопии для поколений, которые были лишены всего этого после конца эры идеологий и в результате доминирующего экономизма глобализации. Противостояние существующей власти, когда есть свобода выражения, возможность высказать свои взгляды, без регламента и иерархий.

Сила Интернета состоит в том, что он не представляет собой политической утопии в классическом понимании, с глобальными идеями о по-

строении нового общества со своей иерархией и территорией. Это совокупность небольших договоренностей, инициатив и свобод, которые выходят за рамки географических территорий, границ и воспринимают глобализацию, не подходя к ней *априори* негативно, как некую систему координат, пытаясь действовать прагматично. Именно в этом плане мы хорошо себя чувствуем на современном пространстве, так же, как, впрочем, и со средствами массовой информации, которые на другом уровне, также необходимым, играют роль средства социальной связи и одновременно с этим — окна в мир (см. *Éloge du grand public*, Хвала публике, 1990, и *Penser la communication*, Осмыслить коммуникацию, 1997). В противоположность устоявшемуся стереотипу Интернет и телевидение в этом ракурсе дополняют друг друга: Интернет позволяет выйти за пределы «территорий», тогда как телевидение, в конечном счете, выступает в качестве их гаранта.

Во всяком случае, Интернет представляет интерес в силу тех парадоксов, которые он порождает. С одной стороны, он дает новый импульс письменной речи, а, с другой стороны, девальвирует ее значимость, поскольку пишется и распространяется всё, что угодно, без какого-либо отбора или иерархии. Одновременно происходит повышение значимости и десакрализация письменного текста. Со странным статусом перемешанных и несанкционированных никем письменных посланий, среди которых встречаются и информация-услуги, и откровения, выражение различных точек зрения, свидетельств... Другой парадокс: каждый зачарован тем объемом информации, к которой он может получить доступ, но никто не ставит вопроса о том, как ее использовать в социальном плане через коммуникацию. Интернет, как будто бы, почти создал чудо: единственная технология, где информация может породить, без трудностей и сопротивления, прямую связь между информацией и действием, выражением мнения и властью. Средство, которое в одно и то же время обеспечивает возможность выражения взглядов, интерактивность, управление, информацию-услуги, критику и власть: информацию и коммуникацию... Кроме того, если движущие силы исследования позволяют провести более широкий поиск, чаще всего он ведется в Интернете при помощи ключевых слов, принижая при этом ценность более сложных критериев, связанных с переплетением знаний и эрудиции. Быстрый доступ ко всем цифровым библиотекам не облегчает отношений с познанием. Как защитить интеллектуальную свободу и творчество в этой вселенной, где всё доступно, когда различие между созданием и использованием стирается, и когда техническая возможность мгновенного воспроизведения любых материалов препятствует осуществлению каких бы то ни было экономических мер? Где найти место и пространство легитимации интеллектуальной собственности, когда все могут туда вторгаться? Подобным же образом, регулирование, которое однако, необходимо, оказывается очень трудно организовать; мы видели во Франции, с какими трудностями столкнулся проект HADOPI¹, что по-

казывает, как малы расстояния между свободой выражения, защитой границ между жизнью частной и жизнью публичной — и защитой авторских прав. И в самом общем плане, как жить в мире, перенасыщенном одновременно информацией и памятью и оставляющем так мало места проектам сегодняшних действий?

Если Интернет является символом информационных технологий, то ему придает смысл именно поиск *другой* коммуникации: интернаваты, в конечном итоге, стремятся, прежде всего, создать для себя новые контакты с людьми, новые группы солидарности. Именно Другой больше чем когда-либо виден на горизонте. Океан информации, конечно же, но в особенности всегда с одним и тем же вопросом: как более легко, свободно и аутентично вступить в отношения с кем-нибудь? Интернет, владыка информационных систем, вновь ставит вечный вопрос межличностной коммуникации: «Есть ли где-нибудь кто-то, кто меня любит?». И социальные сети, такие, как Фейсбук (Facebook) представляют собой не что иное, как современную версию *Chasseur français*, со всеми поисками эмоциональных и социальных связей. Слово «социальные сети», кстати, само по себе уже говорит об этом. За сетями стоят социальные связи, то есть связи между людьми, они приоритетны. Как легче встретиться с кем-то? С мечтой о равенстве, заметной в этой логике контактов «на равных» (*peer to peer*): люди ищут друг друга, и они равны. Во Всемирной паутине, в блогах, в Твиттере и в многочисленных сетях это всегда поиск *другой* коммуникации между людьми, более свободной и подлинной. Это также, нужно признать, лекарство от одиночества. Этого ползучего одиночества, ужасного в городской среде, где все социальные и семейные структуры разрушились, вызвав, вполне естественно, потребность в создании новых связей, новых общностей. Интернет, средство борьбы против этой новой реальности: свободных и одиноких людей. Средство, вполне подходящее по масштабу для поколений, более щедрых, чем об этом думают, которые под низко нависшим над ними небом политических утопий, ищут иных отношений, с юмором и иронией, как будто бы пытаясь выплыть в ловушках и тупиках Истории.

Конечно, основная часть Интернета не связана с этими поисками коммуникации и касается, скорее, проблем огромного и приносящего доход царства информации-услуг, но не следует также недооценивать поиски свободы, равенства и коммуникации, которые воодушевляют молодых интернаватов. *Конец бесчисленным одиночествам*. Индивидуализм Интернета символизирует также поиски иного коллективного. Вы находитесь постоянно между утопией и технической иллюзией. Со временем неудачи и успехи позволяют сделать выбор между услугами, рынками, чувством облегчения, освобождением и политической утопией. Если только сам «взрослый» мир не станет также слепо следовать этим же технологиям, чтобы выглядеть современно.

Эти иллюзии соответствуют смелости и утопиям, объектом которых является Интернет. Самое большое пространство свободы является также местом, где можно встретить самые большие отклонения — финансовые, криминальные, мафиозные, порнографические, самым большим мага-

¹ HADOPI — проект закона во Франции о защите авторских прав в Интернете.

зином слухов и манипуляций, поскольку основная масса информации в нем ничем не подтверждена. Но пока еще дух свободы на манер Дальнего Запада из вестернов манит больше, чем идея политической регламентации Интернета, которая раньше или позже утвердится, когда скандалы станут слишком бурными, как это произошло в отношении прессы, радио, телевидения. Интернет не сможет оставаться вне власти законов, и ему придется отказаться от идеологии дерегулированности, настоящего двойника идеологии техницизма. Любопытно, что даже сейчас в условиях кризиса финансового капитализма, не говорят о неизбежной необходимости регулирования Интернета. Сверх этого, всеобщая отслеживаемость, которая замаскирована ощущением свободы и всемогущества, может поставить под угрозу основы личных и общественных свобод, которые с таким трудом были завоеваны в ходе трех столетий политической борьбы. Но ничего не поделаешь, закон рассматривается как покушение на свободу в то время, как всегда при демократии целью закона было не убивать свободы, но их защищать.

«Я проверю в Интернете». Эта повсеместно встречающаяся фраза показывает колоссальную наивность в отношении вопроса об истине. А когда вы гуляете по улице, и минуты не проходит, чтобы не встретить кого-нибудь, кто произносит слово Интернет. От ощущения индивидуальной свободы быстро происходит переход к реальности зависимости и отслеживаемости. Отслеживаемости, которая, кстати, гораздо более опасна, чем контроль с помощью личных досек. Сегодня и завтра благодаря микрочипам RFID² можно будет узнать гораздо больше о поведении индивидов. И отслеживаемость от имен и досек, что уже вызывает споры (см. например, борьбу вокруг проекта EDVIGE³), перейдет к личности и поведению. Индивиды и группы, возможно, не дадут себя поставить под контроль с помощью этой социографии поведения, но такой риск существует. И кстати, что делают пользователи со временем, выигранным благодаря высокой скорости в Интернете? Скорость получения информации, неотделимая от какого-то головокругения, вызванного ощущением всемогущества, становится также средством «отключить» инаковость, которая сама по себе требует времени. *Время — главный враг Интернета*. Ее «отключают», но «срезая» различия, словно гребень у петуха. Во всяком случае, знания не возрастают, не обмениваются и не интегрируются со скоростью, которая есть у информации, они, напротив, необходимы для того, чтобы сопротивляться этому когнитивному «отключению» и придать смысл этому океану информации. Скорость и горизонтальность, почему бы и нет, но до какой степени они должны дойти по отношению к объемности действительности, медленности познания и непониманию мира? В частности, они должны уважать тот политический рубеж, который сложился в результате стольких веков борьбы между публичным пространством и пространством индивидуальным, частным. Сделать всё достоянием общественности в отношении себя и других — это

отнюдь не прогресс. Всё не должно быть прозрачным и не может быть сразу осознано.

Помимо этого, вопрос остается вопросом опыта: абсолютной необходимости выйти из сетей и технологий, чтобы вновь начать приобретать опыт в «реальной действительности» — социальный, межличностный и эмоциональный. Опасайтесь шизофреников социальных сетей, интерактивно-одиночества. Дружба «в цифровом формате» должна вернуться к реальности, потому что именно там она должна выдержать испытание, после того как будут отключены все машины. Нужно вновь обрести реальность, а не жить на экране монитора.

Что также привлекает в Интернете — это избытие информации, которое дает ощущение почти что всемогущества. Но внимание, бывает «неверная информация» и бывает «перенасыщенность информацией», где всё перемешано, прошлое и настоящее. Между скоростью и вездесущим характером компьютерной памяти, много ли места остается для настоящего и проектов будущего? Каким образом избежать того, что мировые сообщества вновь станут закрытыми, неспособными к открытости и толерантности к Другому? Недоверие по отношению к инаковости и поиски убежища в мировом коммунитаризме вполне совместимы с повсеместным распространением информационных систем. То, что вы поддерживаете коммуникацию с теми, кто похож на вас на другом краю света, совсем не облегчает сосуществование рядом с чужими, иностранцами, иммигрантами, или просто с другими, которые живут в вашем доме на нижних этажах.

Эта толерантность по отношению к другому, основа любой нормативной коммуникации, имеет мало общего со скоростью обмена информацией. Человеческие, социальные отношения гораздо сложнее, чем общение в Фейсбук или прогулки по Интернету. А рядом с блогами, твиттерами, Всемирной паутиной, потоками информации, как обстоит дело с молчанием, длительностью, уединением? Может ли всё стать интерактивным? И отнюдь не миф об «Интернете объектов» при посредстве микрочипа RFID упростиет данный комплекс проблем. Говорить о «коммуникации между объектами» граничит с абсурдом, или же предполагает, что на коммуникации межличностной окончательно поставлен крест. Уже измученные ежедневным обменом бесчисленными письмами по электронной почте, индивиды, на краю пропасти коммуникации, подключаются к интерактивным кнопкам недушевленных объектов... Нечто сверхчеловеческое. Что ещё следует изобрести в плане антропоморфизма технологий и овеществления межличностной коммуникации? Сеть объектов 3.0, верх утонченного совершенства технологий? Нет, это просто смешное присвоение словам несвойственного им смысла.

Следует выйти из этого сверх-настоящего, вернуть историю коммуникационных технологий и их утопию в нормальное русло. Вспомнить, что жизнь не начинается с Интернетом и что миллиарды людей сегодня живут, думают, творят, мечтают без Интернета. Следует показать, что имеет лишь относительное значение вклад технологий, которые делают нас заточенными в истории без истории, утопив нас в океане информации, в конечном

² Микрочип RFID (Radio Frequency Identification), устройство идентификации радиочастоты.

³ EDWIGE — французская социальная сеть, сайт знакомств.

итоге, синхронной. Интернет или мечта, иллюзия технического пространства, где время обладает способностью ускоряться настолько, что, кажется, оно окончательно остановилось. Интернавт, индивид, испытывающий искушение выйти из *пространства и времени*, отделившийся от Другого, слишком отличающегося от него и ищущего родственную душу, попавший в своего рода новую реальность, в большей или в меньшей степени безразличен к социально-политическим вызовам, которые ставит Интернет.

Вот таким мог бы быть дурной исход Истории. Интернет мог бы продемонстрировать худшее в идеологии техницизма: то есть подчинение человека машине; безразличие к получателю информации как к проявлению инаковости; иллюзия, что время остановилось; сведение контактов к общению в сети, онлайн. И в этом отклонении, возможно, но не неизбежном, поскольку история никогда не пишется заранее, основную долю вины будут нести элиты и политики. *Бездумное следование за молодежью, чтобы выглядеть современными.* И особая ответственность возлагается на ученых, которые первыми должны были бы сказать, что король-то голый, но которые захотели на этот раз показать, что они идут в ногу с «современностью». Затем туда же бросились политики, чтобы тоже выглядеть современными. И даже представляя себе, что парадоксальным образом можно легче найти контакт с гражданами при разговоре с ними через блоги, чем при непосредственном общении. *Интерактивность как субститут затрудненной межличностной коммуникации.* С дополнением в виде гаджетов, электронной демократии, которые должны были вновь «активизировать» участие граждан в политике, забывая, что политика никогда не может иметь такую же высокую скорость, как и информация. Интернет не сможет стать новым двигателем демократии, поскольку вопрос власти — это вопрос не только информации, но и вопрос ценностей и коммуникации между людьми. Наконец, последний миф, позавчера существовавший в отношении радио, а вчера — в отношении телевидения: Интернет как создание условий для демократизации знаний и культуры. Все надежды в демократизации доступа к знаниям и культуре возлагают на Интернет, забывая при этом, что знания и культура неотделимы от индивидуального и социального опыта, который не имеет ничего общего с доступом всех ко всему и немедленно.

Одним словом, почему же элиты, в особенности научные, которые первыми должны были бы показать относительность «Интернет-революции», оказались такими конформистами и никоим образом, проявив чувство юмора, не дистанцировались, от того, что представляют как светлое будущее человечества? Элиты могли бы просто вновь включить это явление в наше время, произвести сравнения и, в конечном счете, выявить соотношение между тем, каковы в нем доли открытости, возможностей для выражения мнения, для критики и, между прочим, отслеживаемости, нарциссизма, приведения всех к единому стандарту, рационализации..., присущих системам информационных технологий. Почему же проявлено это нежелание мыслить и конформистское бездумное следование за другими?

III - ОТОЙТИ ОТ ИДЕОЛОГИИ ТЕХНИЦИЗМА

Идеология техницизма проявляется, в частности, в том, что модели кибернетики применяются по отношению к обществу, в надежде повысить его рациональность и улучшить его функционирование. Она представляет собой одно из проявлений жесткого системного подхода, своего рода идеологии рациональности, которая применяется, как в отношении природы, так и в отношении функционирования общества и человеческих отношений. Системный подход стал почти что глобальной идеологией, в более усовершенствованном виде воспроизводящей научный позитивизм XIX века.

В конечном итоге всё перемешалось. Возникновение идеи о сложности в области теории систем способствует тому, что, с одной стороны, закладываются новые основы под многочисленные теории познания, а, с другой стороны, возрождаются теории позитивизма, в том числе и идеология техницизма. С одной только специфической чертой: эта идеология применяется в отношении информации и коммуникации, которые составляют центр человеческого опыта и функционирования наших обществ. Таким образом, мы имеем дело не с какой-то «периферийной» идеологией, но с идеологией, которая находится в самом сердце современности, вместе с моделью индивидуальной свободы и поиском новых социальных отношений. Теперь понятно, почему идеология техницизма пользуется таким успехом, ее часто отождествляют с «новым гуманизмом». И есть много людей, которые, похоже, искренне мечтают о том, чтобы отношения между людьми и социальные связи функционировали так же эффективно, как кибернетические модели, как теория систем и сетей.

Следует восстановить дистанцию между рациональным мышлением, системным подходом, техникой и функционированием отношений между людьми, функционированием общества, это необходимо, чтобы избежать соблазнов и иллюзий идеологии сциентизма и техницизма. Вчера идеология техницизма, на основе завоевания материи и природы, полагала возможным создать новую модель общества. Сегодня, с информационными системами, с метаморфозами, связанными с биотехнологиями и теорией систем, она кажется подготовленной к тому, чтобы обеспечить функционирование общества как системы сетей.

Всё время при этом стоит одна и та же ключевая теоретическая проблема: установить или нет непрерывную связь между мышлением, техническими системами и обществом; между информацией, коммуникацией и людьми. Идеология сциентизма и техницизма, сегодня опирающаяся на рациональность комплексного системного подхода, полагает возможным создать новую модель общества, более гибкую и интерактивную, чем вчерашняя модель, основанная на иерархии и стабильности. А критическая мысль остается прежней: напомнить о различной логической основе науки и техники, с одной стороны, и человека и общества, с другой.

Именно поэтому теория коммуникации, которую я отстаиваю, уделяет такое внимание разрывам, нарушению коммуникации; необходимость поиска договоренностей и совместного существования заставляют вновь обратиться к той тради-

ции критической мысли, которая говорит о различиях коренного характера, существующих между естественными науками и обществом, людьми. Дело обстоит подобным образом и тогда, когда я подчеркиваю важность *конфликта легитимностей*, когда все усилия должны быть направлены на то, чтобы сохранить различия в логике трех важных отношений в мире, которыми являются *информация, действие и знание*. Действительно, между теми, кто разрабатывает теории *единства*, и теми, кто говорит о *разрывах*, существует постоянный эпистемологический конфликт. Парадокс состоит в том, что недавняя история развития науки: междисциплинарные исследования, науки о Вселенной, о жизни, об окружающей среде, о коммуникации — служит подкреплением скорее второй перспективы, которая отдает приоритет разрыву, нарушению непрерывности; однако это не оказало никакого влияния на доминирующее течение, ставящее во главу угла единство. Давно существующий конфликт между теориями, зачарованными единством, и теориями, которые признают разрывы, вновь прослеживается в том, какое место социальные науки отводят коммуникации.

Теории, которые настойчиво утверждают всемогущество власти и, следовательно, ее способность манипулировать гражданами, не верят в автономность получателя информации. Теории, которые напротив, придерживаются взглядов на власть, более открытых и признающих противоречия, придают большее значение такой ситуации, когда получатель информации может сопротивляться ее воздействию.

Вернемся к вопросу об идеологии техницизма в сфере коммуникации. Отказаться от этой идеологии, от техницизма значит признать вновь, что прогресс коммуникации между людьми не прямо пропорционален техническому прогрессу, отделить друг от друга коммуникацию и технологии в то время, как на протяжении сотни лет они были связаны друг другом в борьбе за права и свободы. Технический прогресс больше не является синонимом прогресса коммуникации, так же, как информировать уже больше не значит устанавливать коммуникацию. Вездесущее присутствие технологий привело к исчезновению критического подхода к ним, до такой степени, что для многих коммуникация без использования технологий уже представляется невозможной. Слово *сети* становится магическим. Но сеть объединяет, прежде всего, — и в этом ее сила и привлекательность — тех, чьи точки зрения совпадают. Каковы бы ни были ее масштабы, сеть, прежде всего, поддерживает тех, кто имеет одинаковые позиции, своего рода сообщество. Кстати, именно поэтому так много тех, кто хочет участвовать в сетях. А как же обстоит дело с более сложными проблемами общества, для решения которых следует объединить не только тех, кто имеет общие ценности и интересы, но также и тех людей, гораздо более многочисленных, которые отличаются от них? *Сосуществование как конечный горизонт коммуникации не имеет ничего общего с коммуникацией в социальных сетях, которая близка к коммуитаризму, разделению социума на отдельные сообщества*. А вызов, который ставит на повестку дня глобализация, состоит в том, что надо найти способы управлять не логикой коммуитаризма, но разнородностью общества с тем,

чтобы в перспективе обеспечить совместное существование. Общество, разделенное на сетевые сообщества, соответствует модели индивидуализма и коммуитаризма и игнорирует более усложненную модель общества, принимающего во внимание различия, инаковость.

В действительности следовало бы вновь принимать во внимание исторические и географические дистанции. Следовало бы вновь придать большее значение трудам весьма многочисленных авторов, которые после первой мировой войны 1914-1918 гг. первыми обвиняли сциентизм и техницизм, способствовавшие развитию индустрии уничтожения. В то время эта критика всемогущества техники получила широкое распространение, столь свежи были воспоминания о бойне в годы первой мировой войны! Эти авторы осмеливались утверждать, что техника может быть варварской. Дискуссии на эту тему возобновились после появления атомной бомбы, но вот уже сорок лет столь ошеломляющий технический прогресс, особенно в сфере коммуникационных технологий, заслонил собой всё. Или, скорее, все убеждены, что в информационно-коммуникационных технологиях мы обрели «добрые технологии». И так мы и застряли на этой позиции, причем историческая и теоретическая критика ее заблокирована, ее никто не воспринимает. Следует отойти от технологий, раскрыть связи между теорией коммуникации и социальными теориями. Именно поэтому, заметим мимоходом, никогда не будет достаточно, по заслугам, оценен вклад школы, тех учителей начальной и средней школы, которые всегда знали, что главным в школьном обучении, помимо информации и знаний, является весьма сложный диалог между живыми существами. Они хорошо знают, что технологии, от радио до телевидения, а сегодня и до компьютера, открывают новые пути для педагогики и образования, но знают также по собственному опыту, что эти интерактивные средства, сколь соблазнительными бы они ни были, уступают по эффективности такой несовершенной и иногда дезорганизованной межличностной коммуникации, без которой нет ни передачи знаний, ни воспитания.

Каковы же доказательства вездесущего присутствия идеологии техницизма? Отсутствие каких бы то ни было дебатов о смысле и регулировании информационно-коммуникационных технологий. И левые, и правые в Европе, где, однако, издавна велась критика сциентизма и техницизма, согласны с тем, что не стоит открывать ящик Пандоры коммуникационных технологий и надо и дальше смешивать технический прогресс с прогрессом коммуникации. Везде всё та же идеология, основанная на том, что прогресс отождествляется с техническим прогрессом. Без каких либо исторических аналогий и сравнений. Политические деятели разного толка могли бы вспомнить об очевидном: новые технологии могут способствовать развитию индивида *только* при условии, что социальным связям, существовавшим *ранее*, ничто не угрожает. В противном случае результатами роста разрозненных контактов без социальных связей станут аномия и анархия. Любой кризис — экономический, политический, религиозный — обнаруживает примат коллективного над индивидуальным. Отодвинуть на второй план ин-

дивидуализм необходимо для того, чтобы напомнить о важности социальных связей, общества по сравнению с коммунитаризмом. То, что люди используют везде одинаковые технологии, не означает, что они одинаково мыслят и имеют одинаковое видение мира.

Наконец, следует постоянно напоминать о том, что характерное свойство индустрии культуры, в особенности сферы коммуникации, связано с тем, что определяющей для нее является логика предложения и творчества по сравнению с логикой спроса и вкусов потребителей. Предложение всегда представляет больше сложностей, чем спрос, поскольку оно связано с тем, чтобы *взять на себя риск* производить информацию и программы для различных аудиторий, не всегда четко идентифицированных, которые надеются заинтересовать ими, без каких-либо гарантий успеха. Чем более общий характер носит данное СМИ, тем труднее эта задача, поскольку речь идет о мобилизации весьма разнородной публики. Логика спроса, в

особенности в отношении культурной продукции, гораздо проще, потому что она состоит просто в том, чтобы предлагать то, чего желают различные аудитории. И это, кстати, часто оправдывается следующей демагогической фразой: «будьте свободными, потребляйте только то, что вас интересует». Реагировать на предложение означает проявлять открытость и интерес не только к себе, но и к другим. Ставить на первый план спрос более удобно, но это несет риск того, что мы все окажемся заключенными в своего рода гетто различных сообществ. Для прессы, радио, телевидения характерна по большей части логика предложения, для Интернета на первом плане стоит логика спроса. Обе эти логики дополняют друг друга, и многие люди уже на протяжении всей жизни своего поколения пользуются различными правами и свободами благодаря развитию этой логики спроса. Тем не менее, при условии, что нужно помнить, что трудности связаны преимущественно с предложением, то есть с риском творчества.

ГЛАВА III

ИНФОРМАЦИЯ: УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ

Информация представляет собой истинный триумф XX века, с ее тремя основными категориями: это пресса, связанная с политикой; услуги, связанные с экономикой; и знания, связанные с информационными технологиями. Не говоря уже об информации, связанной с отношениями между людьми, которая находится в самом центре коммуникации между людьми и которая проходит через все социальные слои и организует нашу повседневную жизнь. Короче говоря, информация во всех смыслах этого слова и со всеми возможными неоднозначными его оттенками является одной из центральных ценностей наших открытых обществ, причем она охватывает все его стороны: от самых благородных, служащих нормами до самых банальных и функциональных.

I - ИНФОРМАЦИЯ: ЕЕ УЧАСТИЕ В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ

История Запада, его освобождения, как и всего мира в целом, неотделима от борьбы за свободу информации — основы всех битв за освобождение. Сколько ни рассказывай об этой борьбе, всё равно будет недостаточно. И даже если сегодня информация тесно переплетена со всеми отношениями власти, связанными с превращением информации в отрасль экономики, она все равно не утрачивает этой своей стороны, подразумевающей борьбу за свободы. Информация является непременным условием открытости в условиях глобализации; она представляет собой первый шаг на пути к пониманию Другого.

Информация по-прежнему остается условием для существования критического подхода, но сегодня что-то меняется, притом, что последствия этого пока недооцениваются: все обо всем узнают и всё видят, почти что в режиме реального времени. Как это может повлиять на столь необходимый критический подход? Тем более что мировой плюрализм информации, связанный, в частности с выявлением разнообразия культур, еще только делает свои первые шаги. Всё становится более неопределенным. Технологии развиваются очень быстро, во всяком случае, гораздо быстрее, чем происходит реорганизация рынков информации и коммуникации, и, в особенности гораздо быстрее, чем осмысление реальной роли информации в обществе завтрашнего дня. Каков бы ни был сущностный характер информации, при этом повышается роль получателей информации. Они ни в коем случае не являются гарантами истины, но они вездесущи, причем в масштабах всего мира.

II - ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНФОРМАЦИИ

Противоречия информации соответствуют масштабам ее триумфа в политической, культурной и экономической и технической областях, в

радужном переплетении ее нормативной и функциональной сторон. От финансистов до интернастов, от журналистов до активистов политических партий, от политических деятелей и до спекулянтов — все отстаивают свободу информации, но явно вкладывают в это понятие разные смыслы...

Если противоречия наиболее заметны в отношении информации-прессы, поскольку в этой сфере существуют культурные коды и традиции, которые можно раскрыть, то не меньше противоречий присутствует и в других сферах. Их можно классифицировать, разделив их на десять категорий.

1. Большой объем информации не обеспечивает ее большего *разнообразия*, но позволяет произвести лишь ее рационализацию и типизацию, поскольку ожесточенная конкуренция парадоксальным образом приводит к тому, что все говорят об одном и том же, в одной и той же манере и в одно и то же время. Изобилие не является синонимом истинности. Конкуренция усиливает конформизм.
2. Следствие такой ситуации: недостаточная открытость, недостаточно *компаративистики* и часто слишком много предвзятых идей и *стереотипов*. То есть как раз противоположное тому, что должна была бы дать информация. Скорость распространения информации часто мешает ее более глубокому характеру, которого можно было бы достичь с помощью знаний и конфронтации различных точек зрения.
3. Слишком много *упрощений*, поскольку информация стоит дорого, и нужно сосредоточиться на «главном», то есть не слишком затруднять себя анализом культурных контекстов, которые, однако, в условиях глобализации играют фундаментальную роль. Информация превращается в карикатуру западоцентризма?
4. *Стремление к поиску сенсаций*. Это единственная возможность выделиться в конкурентной борьбе. В ущерб идейному содержанию и глубине исторического анализа. Сосредоточение внимания на знаменитостях, реале, сомнительное стремление приобщиться к сильному миру сего оправдывает все зигзаги. Всё это еще усиливается благодаря вездесущему присутствию Интернета, который еще больше акцентирует эту культуру срочных сообщений и вуайеризма.
5. Погоня за *скоростью*, чтобы утвердить свои позиции по сравнению с конкурентами. Если все обо всем узнают и всё видят, то лишь при условии, что вся информация передается быстро. В ущерб пониманию событий, тем более сложных, что они часто происходят во всемирном масштабе.

6. Экономическая логика сталкивается с пагубным искушением воспользоваться бесплатной газетной информацией в Интернете, причем отсутствие платы представляют как условие «более свободной» информации. Но если она бесплатная для потребителей, то кто её оплачивает и за что? «Бесплатный характер» усиливает отклонение в сторону информации, которая определяется спросом, а каждый знает, что такая информация — угроза для свободы печати. Тирания спроса как высшая стадия информации? Кому выгодна бесплатная информация? Зачем соглашаться платить за информационные услуги и не платить за другую информацию?
7. Глобализация информации усиливает все названные недостатки, тиражируя их в мировых масштабах, с риском сделать еще более заметными противоречия между рядом культурных концепций информации. Где же здесь плюрализм? С дополнительной проблемой: насколько достоверной считать информацию *без картинок*, поскольку сегодня «верят только тому, что видят своими глазами»?
8. Рост доли слухов и секретов в циркулирующей информации. «Если нам показывают всё больше информации, то это потому, что скрыто ещё больше». «Закрытые» сведения увеличиваются прямо пропорционально открытости и избытию информации. Секреты никогда так широко не распространялись, и ими так не торговали вразнос, как при наличии открытого публичного пространства, с использованием технологий и посланиями.
9. Средства массовой информации — и те, кто их делает, и те, кого приглашают туда, имеют тенденцию топтаться на одном месте. Круг тех, кто участвует в производстве или в разъяснении информации, очень узок. Всё время одни и те же, составляющие своего рода фальшивую аристократию. *Информационно-коммуникационные круги путают тот свет, которым они освещают окружающий мир, со светом, который этот мир излучает.*
10. Быстрый технический прогресс смешивают с медленной работой по производству информации. Поскольку всё быстро устаревает, нужно всё время давать всё больше чего-нибудь «новенького». С искушением снизить издержки благодаря использованию сообщений мировых новостных агентств, выделяясь при этом распространением всё больших объемов информации о звёздах.

Все эти противоречия оказались совершенно непредвиденными, потому что на протяжении полутора веков искренне верили, что, чем больше будет технических средств, тем больше будет полной и разнообразной информации. Невозможно было представить, что увеличение объема информации приведет к ее большей унификации; к распространению слухов; к расширению информации о частной жизни знаменитостей; к предьявлению обвинений журналистам; что станет распространяться больше секретов одновременно с идеологией транспарентности; что будет так трудно отходить от стереотипов в отношении значимости событий и сенсаций; что логика спроса займет весьма двусмысленное место по отношению к ло-

гике предложения; что проблемы встанут в связи с избытием информации, при отсутствии дополнительных ключей для ее понимания; что чисто экономическая логика и коммерциализация подчинят себе информацию-знания, с такими же перспективами, как информацию-услуги, объем которой постоянно возрастает...

И тут встает вопрос, который ещё вчера был бы немислим: возрастают ли нарушения коммуникации в прямой пропорции к росту объема информации и непрерывному росту производительности коммуникационных технологий? Возрастают ли взаимное непонимание, даже нетерпимость, и использование предвзятых стереотипов пропорционально росту скорости распространения информации? Наряду с ростом всеобщей отслеживаемости — этой темной стороной триумфа информации? Все это заставляет переосмыслить вопрос о законодательных рамках для информации во всех ее видах и на любых носителях.

Короче говоря, порожаемые информацией противоречия столь же масштабны, как и победа информации. Самым сложным из них, несомненно, является то, что в одно и то же время могут возрасти и объем передачи информации, часто идентичной, с одной стороны, и нетерпимость, дезинформация, с другой.

III - СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА

В последние 50 лет критические размышления в отношении информации развиваются гораздо медленнее, чем происходят технические и экономические изменения; критика слишком сконцентрирована на информации — прессе, она слишком часто сводится к классическому вопросу об отношениях между печатными изданиями и другими СМИ, забывая при этом о прорыве мультимедийных средств. Слишком часто критика игнорирует вызовы, которые возникают в связи с быстрым развитием информации-услуг и информации-знаний, и остается под гипнозом вопросов о технологиях. Как будто бы будущее информации связано исключительно с Интернетом.

Первая революция, таким образом, состоит в том, чтобы осмыслить поле информации в его целостности: новости, услуги, знания, отношения между людьми. И на любых носителях, а также с учетом обеих сторон информации — нормативной и функциональной. Ничего не было бы хуже, чем признать нормативную сторону для информации-прессы и функциональную — для всех остальных сфер информации. В действительности существует значительное отставание в теоретических и сравнительных, эпистемологических и критических размышлениях о различных формах информации и коммуникации в наших обществах. Большая часть вопросов уже была поставлена в книге *L'information demain: de la presse écrite aux nouveaux médias* (Информация завтра: от печатной прессы до новых медиа), которую я опубликовал в 1978г.

Именно это отставание, наряду с некоторыми другими изданиями, стремится преодолеть в последние 20 лет созданный мною журнал «Эрмес». Этот международный междисциплинарный журнал с 1988 г. стал лабораторией идей и замечательным местом, где сосуществуют различные теоретические взгляды, где более 1000 авторов из раз-

ных стран мира «в прямом контакте» осмысливают коммуникацию — научную, политическую, социальную и культурную, во всех ее измерениях.

Если информация может быть охарактеризована как Прометеева логика⁴, то коммуникация — это, в конечном итоге, пропедевтика, введение в познание. Никто на самом деле не заинтересован в признании этой дихотомии. Конечно, круг проблем, связанных с этими двумя явлениями, различен, но нормативные стороны у информации и коммуникации одинаковы. В каждом из этих двух случаев речь идет о самых фундаментальных для любого из нас условиях отношения к миру. Они связаны с поддержкой борьбы людей за освобождение, при условии, что этому посвящается достаточно размышлений, чтобы перспективы соответствовали нормативной стороне этих феноменов.

Следует отметить пять направлений для размышлений.

1. *Скорость и объем информации не являются синонимами качества и плюрализма.* Скорость — это, возможно, самая коварная ловушка, сопряженная с победой информации. Зачем передавать информацию с такой быстротой? Кто может её абсорбировать? Даже журналистам это не под силу. Каковы соотношения между скоростью, истиной, знаниями и действием? Скорость, истинная союзница на протяжении веков, поскольку она позволяла быть лучше информированным, критиковать и добиваться прав и свобод, может начать представлять опасность, в особенности в условиях сложных проблем, порожденных глобализацией. Что стоит прославлять — скорость информации, ее объем или же истинность? Что происходит с необходимой потребностью в медлительности, основательности в открытом мире, с расширившимися границами? Скорость и объем, к тому же, попадают в ловушку конкуренции и становятся одними из факторов, объясняющими структурное сползание к деградации информации.

К тому же, в период, когда только и говорят о стабильном развитии, об экологии, об иной экономике для планеты, принимающей во внимание время и равновесие, мы можем констатировать тиранию новостных программ, сенсаций, открытий. Как будто бы скорость передачи информации можно считать синонимом истинности и объективности. А что представляет собой эта зачарованность «режимом реального времени», это стремление, жить как будто «в прямом эфире», находиться виртуально на месте событий, как будто бы ты фронтальной журналист или государственный деятель из страны, которая находится на грани войны? Как будто бы скорость передачи информации может уменьшить взаимное непонимание, свести на нет насилие и войны. Почему на протяжении веков для дипломатии была необходима медлительность, чтобы избежать опасных кризисов, и вдруг стали целиком полагаться на высокие скорости новых технологий? Спасти информацию значит бороться против идеологии «прямого эфира» и повысить иное значение работы журналистов, отличное от роли, которую они сейчас играют. Это значит вернуть обратно то, против чего строилась

информация, но что она вновь должна обрести: время и его медленный ход, хроникеров и журналистов, играющих роль посредников, предварительную сортировку и распространение знаний, чья достоверность уже подтверждена. *Медленно текущее время — это время людей, скорость свойственна технологиям.* К тому же эта идеология информации и ее спутница — скорость — усиливают конкурентную борьбу в отрасли информационных технологий, которую так ожесточенно ведут такие акторы, как Гугл, Майкрософт, Эппл... Высокая скорость и изобилие информации в этой сфере сочетаются с высоким уровнем концентрации производства у горстки фирм, действующих в этой сфере. Почему бы, помимо роли дополнения знаний, не выделить у информации еще три типа. «*Плохие новости*», которые часто повторяют снова и снова, но которые относятся к реальности. «*Добрые новости*», которых почти нет во всех наших СМИ и на всех носителях информации, но которые дают нам иную картину мира и человека в нем. *Расследования*, которые позволяют классическим и новым СМИ выделиться и расширить наши представления о том, что происходит в мире.

2. *Контроль над тем, как идет технический прогресс* в этой сфере, необходим, а отказ от идеологии техницизма становится императивом. Как могли раньше жить, получать информацию, думать, вести расследования без Интернета, поскольку сегодня «всё проходит через него»... Технологии обогатили содержание информации, или, скорее, последнее адаптировалось к тому, что могут предложить и произвести технологии. Возможно, одним из самых сильных тормозов для критического осмысления статуса информации в эру ее изобилия и высоких скоростей является отсутствие критической дистанции. Могущество технологий также нераздельно связано с теми высокими ставками в экономической сфере, где доминируют крупнейшие англо-саксонские компании индустрии культуры и коммуникаций. В перспективе это также связано с риском усиления конфликтов: между Севером и Югом, но также и между многими странами Юга. Слишком тесной остается связь между экономическим господством Севера и господством индустрии массовой культуры и коммуникаций. Даже если постепенно появляются другие информационные сети, в частности арабские, и в этой сфере возникает определенный плюрализм. Во всяком случае, необходимость продумать новую экономическую модель для прессы не означает, что центром этой новой модели надо сделать Интернет.

3. *Получатель информации* (который также является интернавом, блоггером, актором, то есть тот, кто может в интерактивном режиме реагировать на информацию) становится новым главным действующим лицом, актором. Конечно, получатель информации существовал всегда, но сегодня он получает авторизацию и критикует, по мере своего освобождения, и пропорционально растущему объему информации, которую обрушивают на него. Он не всегда прав, далеко от этого, и в этом как раз и состоит проблема, поскольку информировать значит часто идти наперекор мнениям получателей информации.

Информировать по-прежнему подразумевает негласные поиски соглашения между фактами,

⁴ Прометей похитил огонь силой, противопоставил себя Природе. Когда говорят о Прометее, подразумевается насильственный характер техноцентрической западной цивилизации.

событием, контекстом и представления. *А что же получатели информации? Их нельзя игнорировать и невозможно удовлетворить.* Поле для маневров остается тем более ограниченным, потому что информация уже не носит сакрального характера в связи с тем, что она находится в избытке и становится жеванной — пережеванной. Получатель является одновременно и главным сторонником свободы информации и ее злейшим врагом. Поле для маневра сужается.

4. *Культурное разнообразие* является горизонтом, появление которого связано с тем, что стал приниматься во внимание получатель информации. Запад уже не один. Ставший постоянным объектом критики и подозрений, он вынужден учиться искать соглашений с другими ценностями, не отказываясь при этом от своих собственных. Культурное разнообразие, которое вновь ставит вопрос о неравенстве по отношению к информации. Как перейти от констатации *факта* культурного разнообразия к *политическому конструированию* условий для сосуществования различных культур? От уважения к универсальным ценностям свободы информации к признанию культурного разнообразия? Информация прекрасно демонстрирует этот новый политический вызов «сосуществования культур», о котором я говорил в своих книгах *L'autre mondialisation* (Другая глобализация), 2004, и *Demain la francophonie* (Франкофония завтра), 2008.

К тому же ничто не является рациональным на этом мировом рынке информации, где мощь идеологий, экономические интересы, меняющиеся соотношение политических и культурных сил имеет весьма мало общего с хорошим стремлением дать «хорошую информацию для всех»... Постановка вопроса о борьбе за Новый международный информационный порядок (NOMIS) в 1980 г. в ЮНЕСКО, где впервые СССР и страны, которые в то время называли странами «третьего мира», вместе выступили против Запада, утверждая, что его так называемый универсализм является на самом деле только фиговым листком, прикрывающим защиту его собственных интересов, была только первым симптомом. Конфликт вновь вспыхнет завтра, он станет еще более неуправляемым в многополярном мире, с гораздо большим

объемом информации и противоречащими друг другу представлениями о мире.

Скорость передачи информации может также превратиться в фатальное оружие, поскольку клубки противоречий, связанные с разнообразием культур, требуют большого времени и медленной работы, чтобы выйти за рамки сложившихся взаимных стереотипов и добиться создания хотя бы минимума условий для сосуществования культур.

В чем же состоит ответ на этот вызов? Оставаться самим собой, в то же время проявляя открытость по отношению к другим. Для Запада это не легко. Не легче это и для остальных. Но информация в любом случае представляет собой один из наиболее заметных, опасных и непосредственных фронтов на той огромной строительной площадке, где осуществляется создание основ сосуществования культур, процесс, который требует усилий дипломатии, культуры, умения, чтобы вездусущее присутствие информации и скорость обмена информацией, в конечном итоге, не стали ускорителями взаимного непонимания и войн.

5. Последний ключевой вопрос — *конфликт между информацией и отслеживаемостью*. Отслеживаемость возрастает прямо пропорционально скорости передачи информации, по мере всеобщего распространения информационных систем. Пока все предпочитают «делать вид», что свобода, в конечном итоге, берет верх над опасностью отслеживания. Технологии микрочипов RFID (Radio Frequency Identification, идентификация радиочастоты), и нанотехнологии могут быть не только «миниатюрными интерактивными охранниками информационной экономики». Они могут также способствовать развитию всеобщей полицейской системы. Причем во всех странах, включая демократические, потому что от страха перед терроризмом — здесь, и до страха перед демократией — там, существует множество поводов для того, чтобы «рационализировать» эти столь непрочные и всегда опасные свободы, связанные с информацией.

Те самые технологии, которые позволяют расширить информационное пространство, обеспечивают повсеместное распространение изображений и интерактивные действия любого характера, могут стать самыми эффективными палачами свободы информации и других прав и свобод.

Коммуникация — это вопрос Другого. И в этом состоит ее почти онтологическое отличие от информации. Хотя, конечно, не бывает посланий, которые вообще никому не предназначены, информация всё-таки существует сама по себе. Напротив, с коммуникацией дело обстоит совершенно иначе. Она имеет смысл только при наличии Другого и в случае взаимного признания. Информация всегда была кому-то адресована, но демократический прорыв заключается в том, чтобы признать свободу и равенство всех действующих лиц, то есть равноправие получателя информации, который может эту информацию принять, отказаться от неё, вести о ней переговоры. И тут всё усложняется. Вчера коммуникация носила иерархический характер, часто сводилась к передаче сведений, указаний, без возможности какого-либо их обсуждения получателем информации — актором. Сегодня почти все пользуются равными правами, отвечают друг другу и договариваются о чем-либо. Из этого прорыва можно вывести три следствия.

I - КОММУНИКАЦИЯ: ДРУГОЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Признание равноправного статуса получателя информации производит настоящий переворот, поскольку оно обеспечивает легитимность вопроса об инаковости. Это коренным образом новая ситуация, еще мало распространенная в мире. Достаточно поехать в другие страны, чтобы увидеть, насколько редкими являются ситуации равноправия и взаимности среди партнеров по коммуникации. Легитимность получателя информации, то есть инаковости, радикально изменяет эту модель коммуникации. Коммуникация неизбежно превращается в источник фрустраций, она становится подверженной различным случайностям, и, тем не менее, остается неизбежной, ибо на горизонте маячит отсутствие коммуникации, партнеры вынуждены всё время искать путей к договоренностям. Именно в этом плане *сосуществование* представляет собой одну из парадигм XXI века, неотделимую от трех реалий: демократии, открытости, взаимодействия. Следует напомнить, что сосуществование это нечто иное, чем просто соединение, или нахождение рядом друг с другом. Можно быть соединенным друг с другом, в частности через Интернет, находиться рядом друг с другом в реальной действительности, но сосуществование при этом не будет. Сосуществование является результатом волеизъявления и осуществленных действий. Это выбор, который требует времени и волевого решения, и этот выбор никогда не является статичным. Просто поражает это отставание в теоретическом осмыслении концепта и реалии, которые, однако, находятся в самом

центре теории демократии и всего современного общества. Коммуникация представляет собой большой пробел в теории, даже несопоставимый с тем, что происходило с появлением таких новых проблем, как окружающая среда, экология, этика, связанная с биологией, стабильное развитие ...и другие глобальные линии разрыва современности. Ценность коммуникации с концептуальной точки зрения слишком долго приуменьшали, в какой-то степени так же, как это всегда обостряло с проблемой изображения.

В действительности элиты не уделяли никакого внимания осмыслению коммуникации. И если в науках о жизни, о вселенной, в технических науках, в науках об окружающей среде на протяжении жизни одного поколения возникли новые подходы, то пришлось ждать начала XXI века, чтобы появилась «наука о коммуникации», поскольку и элиты, и академические круги, причем во всех странах, проявляли нежелание в целом рассматривать вопрос о коммуникации в качестве существенного теоретического вопроса. Международные академические круги, за несколькими блестящими исключениями, вплоть до настоящего времени не осознали ключевого вопроса, связанного с теоретическим переворотом в отношении коммуникации, не увидели масштабов его последствий, от чисто теоретических до социокультурных, и предпочли, когда этим стали заниматься, сосредоточить своё внимание на информации, более разумной и рациональной, а не на коммуникации, которая всегда сопряжена с трудностями и фрустрациями. Однако вот уже полвека исследования по этому вопросу ведутся, причем на весьма высоком теоретическом уровне, но они не привлекли к себе внимания и не оказали влияния, которое бы соответствовало важности возникновения этого кардинального вопроса. Они никого не интересуют. О коммуникации «никто знать не желает».

Малый теоретический интерес к коммуникации, однако, не воспрепятствовал тому, что элиты стали использовать эти технологии для себя, не представляя себе, что получатели информации способны со своей стороны оказывать сопротивление. Результатами этого стали классические стереотипы недоверия ко всему, что касается коммуникации, и наивная зачарованность в отношении новых технологий. От боязни коммуникации до слепого следования за другими.

Недостаточно внимания уделялось также оценке повышения роли информации и коммуникации в тех изменениях, которые произошли во многих теориях познания; и, однако, это оказывается реальным явлением, если провести исследование сравнительной эпистемологии. Дру-

гой возможной причиной малого интереса элит к коммуникации является их боязнь, притом необоснованная, утратить свое влияние с распространением массовой культуры и смещением центров в элитарной культуре. В целом элиты усмотрели в коммуникации только угрозу своему статусу, причем это относится ко всем странам мира, что и объясняет малое количество теорий о соотношении коммуникации и общества. Что касается современных политических теорий, то они игнорируют коммуникацию, вспоминая о ней, только чтобы ее осудить, и в целом подчеркивают наивность получателей информации и их подверженность чужим влияниям. Это отсутствие теоретических дебатов о статусе информации, коммуникации, их соотношении со свободой личности, открытым обществом, глобализацией, культурным разнообразием... частично объясняет, почему на протяжении жизни последнего поколения господствующие позиции заняла идеология технизма.

Итак, еще придется испытать немало трудностей в связи с этим отказом осмыслить коммуникацию, значение которой сегодня буквально удваивается в связи с возникновением Интернета — который, напротив, является объектом своего рода обожания, такого же карикатурного, каким было пятьдесят лет назад осуждение средств массовой коммуникации и массовой культуры, тиражируемой этими СМИ. Редкие мыслители, которые уделяли внимание этим вопросам, столкнулись с одинаковым сопротивлением в 1970гг., когда речь шла о телевидении, и в 1950гг., когда речь шла о радио. Конечно, мы вновь сталкиваемся здесь с боязнью, связанной с большими объемами культурной продукции, с недоверием в отношении массовой культуры, демократической культуры низов, с боязнью изображения, столкновения лицом к лицу с инаковостью; со слабостью критической культуры во всём, что касается техники, хотя эта критика так же важна, как и размышления о роли науки; с нежеланием признавать получателей информации разумными.

Можно выдвинуть одну гипотезу. Если бы научные и культурные элиты приняли всерьез коммуникацию как ключевую проблему, когнитивную и политическую, то мы бы, наверное, не столкнулись с таким явлением, что в информации всё большую роль играют сплетни о жизни знаменитостей, которые похоже, замещают вакуум, оставленный знаниями. *Чрезмерное место информации о жизни знаменитостей и идеология технизма — являются наиболее заметными симптомами «предательства интеллектуалов»⁵.*

II - ПРОДУМАТЬ КОММУНИКАЦИЮ ЗНАЧИТ ДУМАТЬ О НАРУШЕНИИ КОММУНИКАЦИИ

Оба этих феномена идут рядом. Отсюда вытекает целый ряд следствий: в первую очередь, среди них стоит признать, что диалог и переговоры, которые всегда рассматриваются как «потерянное время», на самом деле неотъемлемо присущи межличностным и социальным отношениям. Они так же составляют коммуникацию, как и редкие

моменты, когда индивиды понимают друг друга. *Коммуникация значит все меньше — передавать послание, редко — делиться с кем-нибудь, чаще всего — договариваться, и в конечном итоге — сосуществовать.* Центральная гипотеза состоит в следующем: невозможно отрицать открытость, трудно игнорировать получателей информации, необходимо признать важную роль поиска договоренностей. В самом общем плане мы вынуждены соединить два противоречащих друг другу направления: признание различных идентичностей и необходимость работать над тем, чтобы обеспечить сосуществование культур, чтобы избежать коммуитаризма.

На уровне общества это приводит к признанию того, что большинство наших обществ — это общества мультикультурные; в этом состоит их сила, а не угроза, в частности для национальной идентичности. Мультикультурные общества могут легче осмысливать соотношение себя с Другим. Таков случай Франции, с населением из заморских департаментов, иммигрантами, франкофонией. Признать наличие множества разных идентичностей в рамках национального пространства и организовать их сосуществование, а не предпочесть этому судорожное сокращение идентичностей, замкнутых сами в себе, — в этом состоит главный козырь мультикультурных обществ. Сегодня культурное разнообразие — это факт, который утверждается во всех обществах, в том числе и в международном сообществе, на мировом уровне, благодаря его признанию хартией ЮНЕСКО; а сосуществование — это политический проект, который следует развивать, чтобы избежать замкнутости идентичностей самих в себе. Именно здесь мы обнаруживаем разницу в нормах между средствами массовой информации для всех и масс-медиа, предназначенными для определенного сегмента аудитории. Первые в большей мере способны быть отражением разнообразия общества, гарантируя при этом сохранение общей идентичности нации, которая необходима для сопротивления дестабилизации нации — страны, в то время как вторые в большей степени адаптированы к разделению общества на сообщества, в том числе и за пределами границ отдельных государств, оставляя в стороне вопрос о социальных связях и проблему национальной идентичности в масштабах страны.

Именно в этом смысле организация средств массовой информации всегда зависит от представления об обществе; противостояние между средствами массовой информации и Интернетом — это противостояние не «старых» и «новых» СМИ, но двух представлений об обществе. С одной стороны — отражение социальной неоднородности с признанием необходимости сосуществования идентичностей и коллектива, общества; с другой — согласие с тем, что общества разделены на отдельные сегменты (см. *Éloge du grand public*, 1990, где дана теория, критикующая большую аудиторию СМИ, и *Télévision et civilisation*, 2004 /Телевидение и цивилизация/). Кстати, с Интернетом связан определенный парадокс. Все превозносят обеспечение коммуникации современными технологиями, которое дает Интернет, и одновременно рост числа крупных музеев, и то и другое — как факторы демократизации культуры. Индустриальный характер коммуникации не противо-

⁵ Предательство интеллектуалов — название известной книги Жюльена Бенда.

речит массовой культуре, которая существует вот уже полвека, нужны и то, и другое, поскольку в сфере культуры и коммуникаций необходимо сосуществование рыночной логики — спроса и предложения, и следует индивидуализировать рынки, чтобы ими была охвачена самая разнородная публика. Просто гораздо труднее объединить большую аудиторию, чем удовлетворять потребности целевых аудиторий.

Подобным же образом обстоит дело и с повышением значимости *светского характера общества, отделения церкви от государства*, разделения религии и политики, которое важно как средство обеспечить условия для *сосуществования* наиболее мирным образом двух логик, разнородных и часто находящихся в конфликте друг с другом. Отделение церкви от государства может быть приведено в качестве примера условий для сосуществования. В меньшей степени воинствующего отделения церкви от государства, какое мы знали во Франции, и в большей степени отделения церкви от государства на основе толерантности, пути к которому еще следует найти. Глобализация и религиозное возрождение вновь поставят на повестку дня необходимые для сохранения мира во всем мире дискуссии о модели отделения церкви от государства, способствующей сосуществованию.

Следует с недоверием относиться к внешне очень современному концепту *демократии мнений*, который в действительности опирается на господствующее значение опросов общественного мнения, в итоге дающих упрощенное и рациональное представление об обществе, смешивающий идеологию и комплексный характер истории, что усиливает иллюзию о гомогенном обществе, где все, в конечном счете, говорят на одном языке и которое эволюционирует по усмотрению «опросов». Представление об обществе, которое мы находим также в мечте об «электронной демократии», где граждане прямо, без слишком сложного посредничества политиков, свободно ведут дебаты и принимают решения. На самом деле в политике, как и в сферах информации, знаний, науки... следует с недоверием относиться к тому, что выглядит очень современно и усиливает миф об обществе «в прямом контакте», без посредников. Конечно, бывают сомнительные посредники, но смысл, который придается здесь этому слову, совсем иной. Это отсылка к занятиям, которые требуют высокой профессиональной компетенции и способности организовать сосуществование различных точек зрения. Одним словом, мечты об обществе в «прямом контакте», «в прямом эфире» (live), без посредников и об абсолютной компетенции индивидов быстро соскальзывают от идеи освобождения к удобным миражам популизма.

Политическая модель демократии в любом случае предполагает сосуществование. Это, кстати, можно проследить в эволюции концепции социальных связей. Вчера эти связи носили более иерархический и унитарный характер, сегодня они эгалитарные и обязательно плюралистические. Эти проблемы сосуществования видны также в сегодняшней реальности общества, состоящего из массы индивидуалистов, где каждый стремится к тому, чтобы сосуществовали две основополагающие и

противоречащие друг другу ценности модерности: свобода и равенство.

Другим главным вопросом наших открытых обществ остается вопрос об инаковости. Другой одновременно и притягивает, и внушает страх, но статус Другого изменился. Вчера он был где-то далеко, в другом месте, часто занимая более низкое положение в иерархической системе. Сегодня он находится здесь, в самом сердце современного общества, и даже если нет равенства, он полон решимости сохранить свои отличия. *Следует иметь чувство реальности, принимать различные идентичности и организовать сосуществование* в рамках более обширного социального пространства. Эта инаковость, кстати, подразумевает *взаимные права и обязанности*, иначе вся модель сосуществования рухнет. Это обязывает также повысить значимость существенного, но весьма хрупкого понятия — понятия *доверия*. Сосуществование предполагает доверие, иначе установится взаимная подозрительность, основа всякого коммуитаризма. А установление доверия требует много *времени*. Иначе говоря, не может быть сосуществования без доверия, толерантности и без достаточно продолжительного времени. Мы находимся в самом сердце демократической модели, которая пребывает в процессе созидания и которая должна *одновременно* создать социальные связи, организовать сосуществование различных идентичностей и научиться сосуществовать в рамках международного сообщества, в мировых масштабах.

III - ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Связанный с современной моделью коммуникации, вопрос сосуществования стоит не только внутри Соединенных Штатов, но также и еще более прямо в международных масштабах, в масштабах глобализации. Последняя в действительности управляет двумя противоречащими друг другу логическими схемами. С экономической точки зрения, перспективой является возникновение единого рынка. Экономика навязывает свои законы, способствуя унификации и рационализации, которые имеют одновременно и положительные, и отрицательные последствия. С социокультурной точки зрения, особенно после подписания конвенции об уважении культурного разнообразия в ЮНЕСКО в 2006 г., поставлено обязательство, хотя бы в принципе, учитывать культурные различия. Эта хартия признает факт разнообразия культур и нормативный горизонт сосуществования культур, которое следует создать. Мы находимся здесь в самом центре модели коммуникации, которую я отстаиваю: уважение различных идентичностей, организация сосуществования. И всё время стоит один и тот же вызов. Как избежать того, чтобы признание разнообразия не привело к росту коммуитаризма? Как сохранить интегрирующие связи, сверх простого сосуществования? Иначе говоря, во всех дебатах об организации условий для культурного разнообразия в рамках международного сообщества вновь встречается проблематика модели сосуществования в отношении коммуникации. И каждый раз звучит требование, как на национальном уровне, так и на уровне глобализации: не может быть признания различных идентичностей без укрепления общих рамок, иначе результатом этого будет рост сегментации обществ и

коммунитаризма. Эту функцию укрепления общих рамок призваны выполнить на национальном уровне государство, а на уровне глобализации — международные организации. Оба процесса должны быть неразрывно связанными друг с другом, что не слишком очевидно.

Всё это тем более сложно, поскольку возникновение многополярного мира, появление на мировой арене держав, составляющих БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) и других, рост числа и распространения СМИ заставляют, под угрозой культурных и политических конфликтов, ввести плюрализм в видение мира и в информацию. В Нью-Йорке и Сиднее, Пекине и Бразилии, Москве и Дели смотрят на мир и понимают его неодинаково. И тут надо будет проявлять всё больше внимания к разнообразию точек зрения, то есть к информации о мире, следовательно, к разным культурам мира. В особенности после краха коммунизма в 1990 г. и возникновения многополярного мира. И здесь надо будет учиться тому, чтобы лучше знать друг друга, уважать друг друга, сосуществовать друг с другом. Это колоссальный вызов.

При этом наличествует противоречие: технологические системы и каналы передачи информации носят всемирный характер, однако при этом отнюдь не гарантируют плюрализма. Иначе говоря, ничто не указывает *априори*, что глобальная деревня будет деревней культурного разнообразия. Она прекрасно может быть местом, где происходит унификация, связанная с ростом концентрации производства в индустрии культуры и коммуникаций. В конце концов, это как раз то, что уже происходило с тех пор, когда началась глобализация, 30 лет тому назад. Пока глобализация, скорее, способствовала осуществлению доминирующих моделей, чем диверсификации экономических моделей. Двойное давление кризиса и экологических проблем, возможно, будет содействовать движению к плюрализму.

Что я хочу сказать, так это то, что модель *сосуществования*, сердцевина теории коммуникации, которую я отстаиваю, встречается и в другой проблематике, в гораздо более широких масштабах, не прелятствуя, кстати, ни отношениям силы, ни неравноправию. Модель сосуществования — это не модель идеального общества, но она является попыткой изобрести на всех уровнях нечто иное, отличающееся от унитарной иерархической модели и от простого нахождения рядом различных интересов и представлений о мире.

Сосуществовать, — идет ли речь о коммуникации, о моделях политической организации, обо всей планете в целом, об устойчивом развитии или же об индустрии культуры и коммуникаций, — всегда значит в одно и то же время уважать плюрализм представлений о мире и необходимость какого-то общего принципа. *Модель* сосуществования, таким образом, выходит за пределы отношений между информацией и коммуникацией, она относится к одному из ключевых вопросов основных норм внутренней организации современных обществ и сосуществования последних в рамках национального государства.

Франкофония, например, как защита всех больших лингвистических ареалов (англоязычного, испаноязычного, португальского, арабоязычного, русскоязычного), которые охватывают не

один континент, также относится к этому ключевому вопросу: сохранению лингвистического разнообразия, необходимого в мировых масштабах. Противостоит этой плюралистической лингвистической модели сегодняшняя реальность доминирования дурного упрощенного английского языка как фактора «мировой коммуникации». Лингвистическое разнообразие — это прекрасный пример необходимости и сложности организации сосуществования. Каждый язык вначале является фактором доминирования, но с течением времени языки становятся факторами культурной идентичности и коммуникации, которые необходимо сохранить в их разнообразии, если хотят организовать сосуществование в условиях глобализации. Это ключевой вопрос защиты лингвистического плюрализма. Вот лишь один пример. В Париже — столице иностранных книжных магазинов их число быстро сокращается. В 2000 г. их было тридцать, а к 2007 г. стало только 20. И все они были созданы задолго до начала глобализации. Значит, могут одновременно иметь место глобализация и сокращение культурного разнообразия. Кстати, в 1900 г. в связи с проведением Всемирной выставки в Париже были вывешены в метро таблички-указатели с текстом на 35 языках.

Евросоюз является вторым примером, в натуральную величину, модели сосуществования в качестве нормативного горизонта. В чем заключается мудрость проекта созидания самой демократической и мирной модели сосуществования в мире? В способности расширить Евросоюз сегодня с 6 до 27 стран-членов, а завтра — до еще большего числа, заставить обеспечить сосуществование стран, которые всё разделяет, в проекте, в котором все идентичности будут сохранены и в котором следует одновременно шаг за шагом сооружать для этого всё более широкие рамки, экономические, но, в конечном итоге, и политические. Европа — самая большая в мире лаборатория политического сосуществования — демонстрирует всё более важное место, которое занимает эта теоретическая модель сосуществования, в которой на каждом этапе нужно сочетать уважение к идентичностям и общие рамки. С этой точки зрения, дебаты о вступлении Турции в Евросоюз при условии, что они будут честными, представляют собой настоящий вызов жизнеспособности и амбициям европейского проекта.

Еще один пример, *глобализация информации*. Мы уже показали, что прорыва технологий недостаточно для роста взаимопонимания, даже если тридцать лет назад многие придерживались противоположного мнения, например, при создании в 1980 г. американской телекомпании Си-Эн-Эн, которая должна была одновременно «объединять» представления о мире и повышать значимость западной точки зрения. Результаты всем хорошо известны... На самом деле Си-Эн-Эн была еще связана еще с моделью «выставляемого напоказ» универсализма, который зачастую походил на западоцентризм. Рост числа информационных каналов, в частности арабских, вынуждает создавать подлинный плюрализм. В ожидании других информационных каналов телевидения из Азии, Латинской Америки... Везде происходит переход от унитарной модели к модели сосуществования.

Последний пример, права человека. Вчера это была универсалистская концепция, часто созданная

по критериям Запада, где права человека впервые были провозглашены; сегодня — это поиски нового равновесия, где универсализм следует переосмыслить и дать гарантии его претворения в жизнь с позиций культурного разнообразия. В этих структурных изменениях модели отношений, как между людьми, так и между государствами, вновь встречается уже известное противоречие: необходимое и неуклонное утверждение идентичностей и, тем не менее, необходимость сосуществования в рамках общего мира, из которого больше нельзя выйти. Именно в силу этих причин то, что сегодня разгрызается вокруг Средиземноморья или Ближнего Востока, является в одинаковой мере продолжением ключевых проблем прошлого и примером будущих вызовов сосуществования в многополярном мире. Модель коммуникации, основанная на сосуществовании, в конечном итоге имеет глобальное влияние, она обоснованно символизирует важность коммуникации в открытом мире.

Возможно, именно *музыка*, во всех ее формах представляет собой выход из этой возникшей ло-

гики сосуществования. Музыка, наверное, единственный язык, понимаемый во всем мире. Единственный универсальный язык. И вот уже полвека именно молодежь, со всеми музыкальными стилями, на всех континентах была, возможно, самым активным агентом в развитии этой деятельности, которая носит действительно универсальный, мировой характер. Музыка действительно служит передаче открытости другим и является эффективным вектором распространения толерантности. Как будто бы люди, которые не могут достичь взаимопонимания в других местах, вдруг становятся способными договориться, чтобы вместе «слушать» музыку и «достигать согласия» вместе с музыкой. Поэтому пока недостаточно оценена по заслугам та роль, которую в настоящее время играет музыка в содействии некоей открытости и солидарности в мире. Музыка как фактор одновременно интеграции и сосуществования. Значит, звуки и музыкальные стили в большей мере, чем слова, картинки и тексты способны содействовать сближению людей?...

ГЛАВА V

ИНФОРМАЦИЯ И ЗНАНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Информационная революция наталкивается на два препятствия. Одно, как мы уже видели, касается коммуникации, то есть отношений с Другим и нарушений коммуникации. Второе, столь же сложное, связано со знаниями. Обилие информации обязательно приводит к возникновению потребности в знаниях, чтобы понять эту информацию. Это предмет настоящей главы. В центре внимания находятся не только ученые, но и журналисты. Информация — пресса не может существовать без журналистов, которые создают новости и в особенности делают их легитимными.

I - ЖУРНАЛИСТЫ, НЕПРОЧНАЯ ПОБЕДА

Триумф информации в последние два века был невозможным без журналистов. Само их существование в любых странах является символом и гарантией свободы информации, и ничего нет более наивного и опасного, чем представлять, что завтра, благодаря информационным системам каждый сам по себе станет для себя журналистом, а само существование, права и обязанности профессии журналиста станут никому не нужными и уйдут в небытие. Журналисты — это и охранители, и герои этой непрочной победы свободы информации. Чем больше существует доступной информации, получаемой в большей или в меньшей мере бесплатно, идущей откуда угодно, чем больше каждый может делать всё, что ему вздумается, тем больше потребность в журналистах, для того, чтобы они производили отбор информации, устанавливали ее иерархию, проверяли, комментировали, легитимизировали информацию, удаляли ненужное, подвергали информацию критике.

Если пользователь может считать сегодня, что информация существует сама по себе, потому что она так легко доступна, никогда не следует забывать, что последняя всегда представляет собой конструкцию, утвержденную профессионалом, журналистом, независимо от носителя информации. *Информации придает смысл не носитель, не получатель информации, а журналист.* И в этой легитимности, которую дает информации журналист, и состоит основная роль профессии посредника, которую сейчас многие хотят минимизировать, даже полностью свести на нет под предлогом «прямой демократии». Журналист не всегда прав, также как политик или ученый, но своей подписью он придает информации легитимность.

Как я уже говорил в частности в книгах *L'autre mondialisation 2003* и *Il faut sauver la communication (Нужно спасти коммуникацию) 2005*, демократия означает не отмену функций и профессий посредников, но повышение значимости их роли и возможности критиковать их. Посредник и противовес власти — такова роль журналистов.

При условии отказа от иллюзии о наличии четвертой власти, которая существует уже на протяжении жизни одного поколения на фоне роста числа СМИ и повышения их роли. Четвертая власть на самом деле — это деградация функции журналиста как противовеса власти, а отнюдь не победа прессы. *Журналист не должен быть другом ни гражданину, ни власти, ни судьбе.* Иначе он утратит доверие публики, без которого он не сможет быть свободным и которое, в конечном итоге, является единственным реальным источником его легитимности. Он должен вести войну на два фронта. Против многочисленных властей и лобби, которые хотят либо «удостоверить» информацию либо сделать ее сами. И против получателей информации, которые в большинстве случаев не желают слушать того, что противоречит их выбору. Как говорил Раймон Арон, читатель — это часто первое покушение на свободу печати. На самом деле при информационном взрыве и возросшей доступности информации журналист оказывается на перепутье двух дорог. Либо он свидетель ушедшей эпохи, когда нужен был посредник, — сегодня бесполезный, потому что каждый сам себе журналист. Либо он остается одним из основных стражей свободы информации, — дистанцированный от всех властей, гарант честности, если не объективности, достигаемой лишь в редких случаях; в мире, перенасыщенном информацией он производит отбор информации, и каждый в этом мире нуждается в этой его работе посредника и в его разъяснениях.

Конечно, журналист не обладает монополией на информацию, но, напротив, у него есть монополия на легитимность информации — прессы, на каких бы носителях она ни распространялась. И кстати чего ждет Европа, самая большая демократическая лаборатория мира, чтобы установить *общие* деонтологические, политические, культурные и социальные правила, которые бы обеспечили окончательную легитимацию профессии, столь необходимой всем свободам?

В любом случае, журналистов следует различать, потому что не существует журналистов вообще. Среди них явно выделяются *три группы. Звезды*, у которых мы видим одновременно и высокий уровень профессиональной компетентности и риск замкнутости в политико-журналистском гетто. Мир культуры и знаний за последние тридцать лет во многом утратил свой престиж и свое место в социальной и культурной иерархии, его место заняла «элита» журналистов, которая часто тиранически распоряжается доступом к СМИ, нужным всем. Вторая группа более многочисленная — это *средний класс журналистов*, скорее скромный, компетентный, профессиональный и лишенный иллюзий. Это большинство журналистов, не

имеющих слишком большого престижа; на них, напротив, обрушивается критика, которая относится к стилю жизни и власти первой группы. Внизу находятся *помощники*, чаще всего молодые люди, готовые на всё, лишь бы «выбиться» в этой сложной среде. В частности, готовые соглашаться на плачевные условия труда журналиста в Интернете, которые были бы запрещены в другом секторе, но принимаются здесь. Граница между идеологией техницизма и новой профессиональной практикой проходит здесь. Целое поколение убеждено, что Интернет позволит реорганизовать основы этой профессиональной деятельности, иногда не без оснований, но слишком часто забывая о том, что другие поколения, прежде, так же были зачарованы другими достижениями технического прогресса, которые тоже должны были внести «революционные» изменения в профессию журналиста...

Во всех случаях повысить значимость журналистики значит повысить также значимость работников архивов и документалистов, которые сегодня, когда можно просто затеряться в океане информации, еще больше необходимы, чем раньше. Эти профессии весьма несправедливо считаются утрачивающими свою значимость, в особенности тогда, когда распространяется эта идеология репортажей «напрямую» с места событий, где каждый вроде бы может всё сделать сам.

На самом деле следует пересмотреть основы права на информацию. Не стоит смешивать растущую дифференциацию носителей информации с самой сутью профессии, которая не меняется, в зависимости от того, где работает журналист: в прессе, на радио, на телевидении или в Интернете. Следует напомнить, что легитимность журналистики основывается на доверии аудитории. Нужно осознать, что увеличившееся значение общественного мнения, право гражданина на свободу слова, опросы общественного мнения, которые слишком часто заказываются или комментируются СМИ — всё это сужает поле маневра для журналистов. СМИ всё чаще обращаются непосредственно к публике, чтобы узнать, «что люди думают и чего хотят», не осознавая, что этот процесс легко трансформируется в систему давления. *Информация представляет собой нечто иное, чем общественное мнение.* Стремясь слишком их приблизить друг к другу, неизбежно сужают поле маневра для журналистов, и без того достаточно сложное. Таким же образом обстоит дело и с «новой» журналистикой, связанной с новыми технологиями. Как будто бы эту профессиональную деятельность определяют только технологии и получатели информации. Из-за того, что журналисты становятся «компьютерными журналистами», никогда не покидающими «мультимедийные редакции», чтобы провести журналистское расследование, утрачивается связь с реальностью. Последняя теперь «присутствует» только на экранах. Наблюдается, кстати, и другой парадокс. Постоянно говорят об информационной «революции», при условии, что будет меньше журналистов. Как будто бы прогресс здравоохранения должен сделать никому не нужными врачей...

Можно отметить, по меньшей мере, пять моментов для размышлений. Следует, прежде всего, ограничить гонку за «свободной информацией в Интернете». Поставить все вещи на свое место.

Свобода информации начинается не с Интернета. Даже если журналисты и бросились сломя голову в «революцию Интернета», смешивая технологии и содержание информации. В таком же порядке размышлений следует выступить против слишком легкого решения — появления «мультимедийных журналистов», которые свободно будут переходить из одного типа СМИ, носителя информации, в другой, на самом деле, прежде всего, по причинам экономической рационализации. Следует также научиться эффективнее бороться против политического и, в особенности, экономического давления; здесь главный вызов состоит в том, чтобы уменьшить степень концентрации в информационно-коммуникационной индустрии, несовместимую с плюрализмом. Следует также по-новому определить *территории*, чтобы лучше дистанцироваться от отдельных властей и избегать «кровного родства» — причины стольких подозрений. Следует обсудить возрастающую роль слухов и дезинформации, увеличивающуюся прямо пропорционально расширению информационного пространства. Избегать того, чтобы неизбежная персонализация публичной жизни превратилась в настоящее засилье информации о знаменитостях. Не допускать, чтобы «знаменитости» заполняли подиумы телестудий, высказывали свое мнение о чём угодно, становились системой координат, забивали людям головы ерундой, заполняли собой всё. Есть другие иерархии ценностей. Демократизация является синонимом не распространения информации исключительно о «знаменитостях», а сосуществования в обществе различных ценностей и культур. Следует оказывать сопротивление так называемому спросу публики, удовлетворение которого зачастую приводит к чрезмерному освещению в СМИ «знаменитостей» и некоторых политических лидеров. Надо делать доступными для граждан три уровня информации, на которых основывается наше отношение к миру: местный, национальный, мировой уровни; недооценка одного из этих уровней может привести к глубокому нарушению равновесия. Надо уменьшить давление слушателей — получателей информации — интернет-навтов, которые под прикрытием «демократии», «права на свободу слова» и на «участие», вмешиваются во все передачи, высказывают своё мнение по каждому поводу и составляют своего рода сомнительный противовес журналистам. То, что публика может высказаться, комментировать и критиковать, это необходимо, но ставить ее по отношению к работе журналиста в положение равенства и даже в позицию судьи — нечто иное, граничащее с демагогией. И журналисты отнюдь не компенсируют недостатки своей работы, слишком быстрой, «под колпаком», под знаком сенсаций, засилья информации о «знаменитостях» и чисто событийной информации, почти по-мазохистски обращаясь к публике, которая, в свою очередь, становится судьей работы журналистов. Следует подумать и над таким вопросом: до каких пределов наши сограждане могут увеличивать объем абсорбируемой информации? Каким должно быть соотношение информации о мире и информации непосредственно об индивиде? Как добиться уменьшения этого растущего разрыва между ощущением себя «гигантом в вопросах информации и карликом в непосредственных действиях»?

II - НЕТ ИНФОРМАЦИИ БЕЗ ЗНАНИЙ

Академические круги, мир научных исследований и знаний в последние тридцать лет буквально раздавлены миром информации, СМИ, событий, журналистики. Информация не убила знания, она сделала их маргинальными, даже если академические круги сами несут ответственность за эту маргинализацию, вытеснение на обочину общества. Демократизация массовой культуры, господство новых технологий и появление «знаменитостей», которые находятся в центре внимания информации *information people* — всё это способствует, за редкими исключениями, маргинализации мира культуры и знаний, Именно информация в результате своего триумфа поглотила мир культуры и знаний благодаря своей скорости, краткосрочности существования, конкуренции, износу вещей и скоротечности времени.

Как будто бы мир, обеспокоенный этой открытостью к самому себе, искал забвения в этой срочной потребности в новом. И, тем не менее, чем больше объем информации, тем большая потребность в знаниях возникает для того, чтобы объяснить эту информацию, рассмотреть ее в определенном контексте, иначе возникнет «разобренный» мир, с тиранической властью событий. Конечные знания не обязательно всегда являются более верными, чем информация, поскольку сила информации-события как раз и состоит в том, чтобы нарушать игру знаний, но оба этих феномена необходимы друг другу. *Кстати, информация и знания, журналисты и университетские профессора служат прекрасной иллюстрацией теории сосуществования.* Они являются первыми фигурами этого сосуществования. Можно обойтись без этого сосуществования, но это нанесет ущерб обеим сторонам. Ученые не могут больше игнорировать информационную революцию и укрыться в башне из слоновой кости. Журналисты не могут выбиваться из сил, как кролик у Льюиса Керрола в «Алисе в стране чудес», гнаться за событиями, игнорируя глубину культуры и знаний. Эти две группы обречены на то, чтобы сотрудничать друг с другом и сосуществовать, каждая должна сохранить свою легитимность, но сотрудничать с другой, чтобы получатель информации, такой как вы и я, мог понять взаимодополняющий характер и различие логики этих двух типов отношения к миру. *Необходимо управлять инаковостью, организовать сосуществование.*

• Информационная революция не отменяет необходимости в знаниях. К чему доступ ко всей этой информации, если вы не располагаете знаниями, чтобы ее интерпретировать? Как оценить влияние информации на знания и обратное влияние знаний на информацию, если оба этих мира — мир информации и мир знаний — слишком удалены друг от друга? Идеология высокой скорости и прямого присутствия наталкивается на толстый слой культур, истории, общества. *Проблема заключается не в большом объеме информации, а в том, что для обработки этой информации нужны знания.* Третья категория информации — информация-знания необходима для того чтобы привести в равновесие две другие категории информации: информацию-новости и информацию-услуги. Кстати, университетские преподаватели являются первыми посредниками, без которых мир информа-

ции обойтись не может. Таким образом, есть не только информация и коммуникация, но и знания, имеющие такое же большое значение. Когда же вновь вернут свою значимость эрудиция, культура, энциклопедические знания в разных областях в качестве противовеса этой иллюзии «знания событий», весьма поверхностного, находящегося под тираническим влиянием события? Интернет, с учетом объема доступной информации имеет в целом не более десяти лет глубины...

• Журналисты и университетские профессора на самом деле являются дальними родственниками, *почти троюродными братьями*, даже, если совершенно ясно, что неодинаково их отношение к информации, знаниям, действительности. Их положение почти симметрично друг другу и, в конечном итоге, одинаково непрочно. К тому же, несмотря на все разделяющие их различия, именно эти две профессии мешают топтаться на одном месте, часто они проявляют меньший конформизм, чем представители других кругов. *Идеология «прямого присутствия» и «изобилия» информации ставит под угрозу обе эти профессии, даже если их отношение к времени различно.* Они являются не только примером сосуществования между двумя различными точками зрения на мир, при этом дополняющими друг друга, но и также примером того, что и те, и другие, журналисты и университетские преподаватели, выполняют друг для друга роль посредника.

Их сближает и другая общая черта. Информация-новости отражает резкие изменения, «разрывы» в мире, и она в каком-то отношении связана с информацией-знаниями, которая часто *также* представляет прорыв в системе знаний. Наконец, и журналисты, и университетские профессора должны поддерживать определенную дистанцию по отношению к политическим и экономическим властям. Связи между двумя профессиональными кругами информации и знаний неизбежно будут становиться более тесными, поскольку будут усиливаться дебаты, полемика, борьба мнений по вопросу о месте науки и техники на публичном пространстве. С обеих сторон будет увеличиваться давление. Глобализация и связанные с ней опасности вынудят «поставить информацию в определенные рамки», регулировать ее. Наука и техника будут еще больше составлять самую сердцевину обществ и политических дискуссий. Перед лицом этого давления оба профессиональных круга — журналисты и университетские профессора — должны будут найти способ по-новому определить свое отношение к миру и сотрудничать друг с другом, при условии, что каждая категория не выходит за пределы своего пространства легитимности, именно для того, чтобы получатель информации понял, что представляет собой сосуществование разных точек зрения.

Треугольник знаний, который образуют сравнительная эпистемология, борьба мнений и индустрия знаний, сегодня в большей степени находится в центре функционирования публичного пространства и императивов коммуникации, чем 50 лет тому назад. Традиционно научные круги предпочитали держаться в стороне от мира: сегодня прямые и обратные связи, очевидно, стали более многочисленными. И помимо всех их разли-

чий часть профессионалов информации, людей творчества, людей науки оказывается в такой категории, которую пока называют «творческий класс с непостоянной занятостью». Это все те, кто пытается понять мир и заставить его измениться, но не обязательно принадлежит к каким-либо официальным учреждениям. Знания и творчество, так же, как и информация, играют все более важную социальную, культурную роль. Способствуя некоторой мобильности и открытости, но не всегда при этом вписываясь в общество, которое остается довольно напыщенным и жестко структурированным.

• Во всяком случае, информации и знаний недостаточно. Необходимо всё больше принимать во внимание культурные и идеологические рамки. Глобальный характер обмена информацией и знаниями, если не хотят, чтобы воцарилась какофония, заставляет и тех, и других проявлять внимание к другим культурам. В этом и заключается ключевая проблема, связанная с культурным разнообразием: *надо суметь организовать сосуществование культур, то есть отношения между идентичностью и инаковостью*. Достаточно заметить растущее число сложностей, неожиданно возникающих в связи с глобализацией информации, чтобы понять, что чем больше посланий будет циркулировать, тем больше будет противоречащих друг другу представлений о мире.

То же относится к науке и знаниям. По другую сторону того, что деликатно называют «международным научным сообществом», все более заметными становятся соотношение сил, конкуренция и различные представления о мире, и поэтому возникает необходимость перейти от унитарного мира науки и знаний к плюралистическому миру, в котором надо будет организовать сосуществование. Например, если пока наука в меньшей степени, чем информация затронута трудными дебатами между универсализмом и западоцентризмом, которые еще усилятся в будущем, то в перспективе они коснутся и ее, даже в связи с меняющимся соотношением сил в мире и разными взглядами на мир, которые возникнут в связи с появлением новых мировых сверхдержав. Это касается не только наук о человеке, но и наук об окружающей среде, коммуникации, вселенной, технических наук... Неизбежно становясь ближе к обществу и экономике, наука также приблизится к социальным и политическим дебатам. Иными словами, наука не сможет существовать без коммуникации и без того, чтобы принимать во внимание культурное разнообразие. Это существенный отрыв от прошлой ситуации. Можно сказать иначе: западная наука больше не единственная. Появятся другие концепции, и Запад не всегда будет доминировать в сфере науки.

• Отношения между информацией — знаниями — культурой — идеологией, таким образом, становятся всё более сложными. Даже если повсюду в мире используют одни и те же технологии для информации и коммуникации, что, безусловно, облегчает циркуляцию посланий. Однако одни и те же технические средства не означают одинакового содержания и, в особенности, одинакового отношения к миру. Итак, существует несколько систем координат, и нужно сделать так, чтобы они могли *сосуществовать* друг с другом: это информа-

ция, знания, идеологические и культурные рамки.

Если мир информации менее чем на протяжении жизни одного поколения осознал этот вызов, то иначе обстоит дело с учеными, которые одновременно входят в рамки организаций на национальной основе, но привержены и системе ценностей международного научного сообщества, которую надо будет защищать. Академические круги должны также чаще следовать традиции *популяризации* научных знаний, чего явно недостаточно сегодня. Им надо также научиться управлять прямыми и обратными связями с обществом в том, что касается места науки и технологий в публичных дебатах и борьбе мнений, соотношения между фундаментальными и прикладными исследованиями, неоднозначности растущего спроса на проведение экспертизы, пределов статуса советника руководителей государства... За последние 50 лет мир знаний оказался оттесненным в маргинальное положение. Ему нужно вернуть себе способность интересоваться, привлекать молодежь и занять подобающее ему место в процессе принятия решений.

Что касается журналистов, уровень образования которых сегодня определенно выше, чем был 30 лет назад, то они должны осознать, что политическая и экономическая власть — это еще не всё самое главное в обществе: важную роль играют также знания, культура, открытость к другим цивилизациям.

«Всё быстрее и быстрее, всё менее и менее верно». Такова, наверное, самая большая угроза для журналистов. Идеология прямого присутствия становится симметричной политической и культурной победе концепта информации? Слишком много скорости. Слишком мало возможностей дистанцироваться. Возникает большой риск конформизма, подчинения получателю информации и меняющейся моде, разделения на разные сегменты носителей информации и предложения; эмоции стремятся одержать верх над разумом, свобода выражения мнения осуществляется в ущерб тому, чтобы дистанцироваться от информации и излагать ее последовательно. Концентрацию внимания информации на знаменитостях журналисты часто применяют и по отношению к самим себе; пользуясь своей популярностью, достигнутой в одних СМИ, они заполняют собой другие СМИ, «совмещают несколько функций». Следовало бы составить список передач на всех носителях информации, узурпированных журналистами. Что касается приглашенных участников передач, то это часто одни и те же лица. За 30 лет умножение видов и числа средств массовой информации привело к уменьшению разнообразия их содержания и выступающих...

К тому же, журналисты иногда с большим трудом даже элементарно дистанцируются от Интернета, ставшего символом «свободы информации», в то время как на самом деле они, возможно, являются одними из его жертв.

Только информация — услуги выходит в качестве победителя в такой эволюции, и интересно поставить вопрос о том, почему эта категория информации, которая составляет основу успехов Интернета и рентабельности рынков завтрашнего дня, по своей значимости почти вытеснила две

других категории информации: новости и знания? Создается впечатление, что мир информации и, в конечном итоге, и мир знаний, — это только бесконечное интерактивное переключение кнопок...

III - КОНФЛИКТ ЛЕГИТИМНОСТЕЙ

Какой становится главная ставка в мире, перенасыщенном информацией и знаниями, которые становятся всё более доступными, причем в большей или в меньшей степени бесплатно? *Следует определить различные логики и организовать их сосуществование. Не допустить того, чтобы всё смешалось.* Подчеркнуть различия, чтобы гражданин не затерялся без ориентиров в этом изобилии информации, культуры, знаний. Это по-прежнему всё тот же вызов. Мир превратился в глобальную деревню с точки зрения технологий, но не в отношении людей, культур, видения мира. В этом отношении это по-прежнему Вавилонская башня. Если в сети всё перемешивается, то в реальности это не всегда так. И чем больше всё соединено в сетях, тем больше следует различать содержание в реальности, потому что никто не может всё смешать и все абсорбировать. *Нужны нарушения непрерывности в сплошной среде, ориентиры для знаний и сосуществования, чтобы мыслить и действовать.*

Идеология техницизма непрерывно твердит только о скорости и непрерывности, как в информационных системах. Люди, общества и коммуникация находятся, скорее, в среде с нарушениями непрерывности и в процессе сосуществования. Следует везде напоминать об этом различии, чтобы сохранить *дуальный характер* предложения и спроса информации, культуры, знаний, коммуникации. Не допустить господства спроса, которое на первый взгляд выглядит демократическим. Следует поставить в жесткие рамки ограничений идеологию сенсаций, которая представляет собой разновидность логики события, в ущерб любым проблемам длительности, продолжительности. Следует с недоверием относиться к слишком частому обращению к общественному мнению, что подкрепляется идеологией опросов общественного мнения. Да — зондированию общественного мнения в вопросах политики, но без их передозировки, потому что в любом случае всё определяет голосование. Нет — вездесущей рационализации общественного мнения с помощью опросов в социальной, культурной, религиозной сферах, не поддержанных санкцией голосования и дающих упрощенное представление об обществе, которое, якобы, легко понимать и интерпретировать.

Сегодняшней идеологии, которая говорит только об интерактивности, необходимо противопоставить необходимость вновь утвердить структурные различия между информацией, знаниями, действием. Именно это, уже начиная со своей книги *Penser la communication 1996*, я называю «конфликтом легитимностей». Чем больше всё находится на виду и в интерактивности, тем больше следует выделять различия между журналистом, экспертом, технократом, университетским профессором, политиком... В мире, где всё охвачено коммуникацией и где всё циркулирует, необходимо уважать *сосуществование трёх великих логик, которые структурируют отношение к миру*: логики информации, логики знаний и логики действий.

«*Конфликт легитимностей*» — это один из самых больших культурных и политических вызовов завтрашнего дня. И вследствие этого, необходимо признать, что эти три логики не обязательно дополняют друг друга, даже если они и используют одни и те же технологии передачи информации.

В первом ряду того разнообразия, которое необходимо сохранить, находится разнообразие языков, важность которого слишком недооценивают и политики, и средства массовой информации, и ученые. Я подробно говорил об этом в других публикациях (см.: *L'autre mondialisation 2004*, и *Demain la Francophonie 2006*). Здесь я хочу просто напомнить, что не существует культурного разнообразия, то есть признания различных способов мышления, без уважения первого из различий — разнообразия языков. В частности, родных языков. Мы ушли далеко от этого, если вспомнить, что все воображают, что 500 слов английского языка, которые неуклюже используют во взаимном обмене, представляют собой «универсальный язык». Проблема заключается не в английском, который необходим, но в других языках, которые точно в такой же степени необходимо сохранить. На разных языках по-разному думают, творят, фантазируют. Лингвистический плюрализм — это основа всех других плюрализмов. Язык есть условие всякого освобождения. Следует быть осторожным в отношении любого неравноправия, которое создает отсутствие защищенности и гетто. Плюрализм является условием ограничения негативных последствий рационализации мира. Сегодня стремятся сохранить разнообразие видов в живой природе, почему же не относиться с уважением к такому же разнообразию среди людей? Разве разнообразие окружающей среды важнее, чем социальное и культурное разнообразие?

Лингвистический плюрализм, хотя его поддержание обходится недешево, является первым условием культурного разнообразия. В порядке плюрализма знаний также необходимо сохранять различия между ролью университетских профессоров и ученых-исследователей, экспертов, технократов, поскольку системы координат и легитимности этих трёх групп различны. Каждый отдельный представитель одной из этих категорий может постепенно перейти от одной роли к другой, но всякий раз это будет заметно.

Второй элемент разнообразия, о котором следует напомнить — это повышение значимости занятий и профессий посредников (журналистов, университетских преподавателей, но также и врачей, адвокатов...), которые регулируют отношения между различными логиками — информации, действий, знаний. Сейчас, когда всё в наших обществах — это сплошная непрерывность и интерактивность, создающие ощущение, что каждый способен сделать что угодно, чрезвычайно важно напомнить о значении каждой из этих профессий, которые свидетельствуют о важности знаний и компетенции, в противовес иллюзии гражданина, который считает себя всезнающим. Лёгкий доступ к информации и знаниям, напротив, отнюдь не уменьшает роли специалистов в каждой из областей информации, культуры и знаний. Эти профессии посредников необходимы, чтобы продемонстрировать относительность прозрачного мира, в котором каждый будет актором, «подключенным к разным

техническим средствам». Эти профессии напоминают о роли передачи знаний. Всё не сводится только к равенству и коммуникации. Существует и различного рода профессиональная компетенция, которая оправдывает передачу знаний.

Наконец, если сам тот факт, что *получателя информации* принимают во внимание, — это прогресс, поскольку это означает признание инаковости в схеме коммуникации, то делать это надо при условии, что он не будет играть роль высшей инстанции. Получатель информации может превратиться в тирана. Между инаковостью и империализмом расстояние не столь велико. Ничего нет хуже, чем под предлогом учета мнения получателя информации — который в действительности может быть кем угодно — читателем, слушателем, студентом, гражданином, — сделать из него носи-

теля смысла и легитимности, в последней инстанции... В том, чтобы чрезмерно повысить роль получателя информации может быть столько же тирании, сколько в его долгом «игнорировании».

Сила концепта сосуществования, таким образом, состоит в его способности проявлять свое значение во *всех* отношениях с реальностью для информации, знаний, действий. Всё это необходимо для того, чтобы избежать монопольного права на смысл. При этом нельзя допустить и разделения реальности на отдельные сегменты, у каждого из которых будет своя логика и своя система координат. Таким образом, — это *лезвие бритвы*, между фальшивой унифицирующей всё прозрачностью и разделением реальности на отдельные сегменты. Между фальшивым «общим» и ложной «единичной исключительностью».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КОММУНИКАЦИЯ.

ЕСТЬ ЛИ ГДЕ-НИБУДЬ КТО-ТО, КТО МЕНЯ ЛЮБИТ

Информация и коммуникация в истории освобождения человека нераздельно связаны друг с другом. Именно благодаря свободе информации могли развиваться познание мира и критический разум. Именно благодаря коммуникации утвердилось равенство между людьми и легитимность диалога. Информация и коммуникация являются двумя сторонами великого вопроса освобождения. Их можно вместе потерять или вместе спасти.

Просто отношения между информацией и коммуникацией изменились. Если в XIX и в XX веках центральной проблемой было создание этой свободы информации, чему способствовал фантастический технический прогресс, то вызов XXI века, во всяком случае, его начала, имеет совсем иную природу. Он состоит в том, чтобы организовать мирное сосуществование противоречащих друг другу точек зрения в мире, где каждый всё видит и каждый хочет иметь возможность сохранить свою идентичность и свободу выражать свое мнение.

В большинстве случаев коммуникация состоит не в том, чтобы свободные и равноправные индивиды разделяли одинаковые точки зрения, а в том, чтобы организовать сосуществование часто противоречащих друг другу представлений о мире. Коммуникация? Вопрос, который следует за информацией и который касается места актора — получателя информации, с которым необязательно согласны, но с которым нужно договариваться, потому что он обладает теми же правами, что и вы.

Коммуникация — это обучение сосуществованию в мире информации, где вопрос инаковости становится центральным. Если свобода информации никогда не доставалась с легкостью, то еще сложнее обстоит дело с организацией мирного сосуществования противоречащих друг другу точек зрения. В любом случае оба этих вопроса являются вопросами политическими, в том смысле, что они касаются вопросов войны и мира между людьми. Вопрос о коммуникации, таким образом, резюмирует вопрос об освобождении индивида. Право мыслить, выражать своё мнение, искать другого, завязывать отношения, начинать всё сначала, преодолевать табу, создавать некую истину, но также и сталкиваться с провалом, с одиночеством, непониманием. Это самая сердцевина одновременно и гуманистического проекта, и любого политического проекта, и это выходит далеко за пределы эффективности технологий. Конечно, технологии необходимы, но их недостаточно для того, чтобы решить это противоречие: *разделять то, что есть общего, а также учиться мирно управлять тем, что нас разделяет.* Это шаг, неотделимый от признания инаковости и от политики, потому что на авансцену выходит центральный для всякого общества вопрос о поисках договоренностей, о мире

и войне. Что касается идеологии техницизма, сегодня столь содержательной, то она пока является символом того, как трудно интегрировать возможности технологий в гуманитарный проект, а ее следствием стало искушение слишком поспешно установить неразрывную связь между технологиями, изобретенными людьми для коммуникаций, и реальной коммуникацией людей между собой.

Я могу вкратце охарактеризовать пять фаз теоретической схемы, вокруг которой строятся мои исследования о коммуникации, и подчеркнуть одновременно гуманистическое и политическое видение проблемы, которое лежит в основе этой схемы. Без коммуникации не бывает жизни ни индивида, ни коллектива. Жить значит вступать в коммуникацию. Индивиды осуществляют коммуникацию, чтобы либо поделиться, либо соблазнить, либо убедить. Чаще всего со всеми тремя целями вместе, в пропорциях, которые меняются в зависимости от времени и места. Они быстро сталкиваются с нарушением коммуникации. Другой, получатель, не всегда приходит на randevу или не согласен с чем-то. Если партнеры готовы регулировать возникшее нарушение коммуникации, то начинается фаза переговоров между противоречащими друг другу точками зрения. Если этот поиск договоренностей, иногда почти постоянный, заканчивается успешно, то возникает сосуществование.

Коммуникация, таким образом, никогда не происходит сама собой, но является результатом хрупкого процесса переговоров. Именно поэтому информировать недостаточно для того, чтобы произойшла коммуникация, и поэтому также, чаще всего, за исключением редких случаев в жизни и в истории, коммуникация в основном означает сосуществование. И это уже неплохой результат в открытом мире, где никто не желает отказываться от того, во что верит и что думает...

Ничего нет хуже, чем стремиться отделить хорошую информацию от плохой коммуникации, как будто бы каждый индивид, включая журналистов, не стремится к коммуникации, не хочет с кем-нибудь поделиться, соблазнить или убедить кого-то, или достичь всех трех целей сразу, когда он производит и распространяет информацию.

Продумать теорию коммуникации значит, прежде всего, освободить вопрос коммуникации от технологий, вновь ввести в него историю, политику, различные культуры... За техническими системами следует вновь обнаружить важность общества.

Чтобы охарактеризовать эти изменения, приведу две картинки. В 70гг. МакЛюэн и другие говорили о глобальной деревне как символе триумфа технологий. После 11 сентября 2001г. на первый план вышла уже не глобальная деревня, а насилие в открытом мире, необходимость организовать со-

существование культур. Это ставит в центр проблемы коммуникации отсутствие коммуникации и взаимное непонимание, а также объясняет безумное стремление людей изобретать всё более совершенные технологии, которые, однако, не препятствуют ни насилию, ни многочисленным провалам коммуникации.

Во всяком случае, нужно отойти от технологий и вернуться к реальности. Уйти от нео-реальности экранов, чтобы вновь обрести *опыт* действительности. Кстати, наличие опыта является первым условием коммуникации, тем самым, которое позволяет непосредственно коснуться вопроса инаковости. И дело не только в том, что информации недостаточно для того, чтобы создать коммуникацию, но и в том, что чем больше получателей информации, первой фигуры инаковости, тем больше опыта необходимо аккумулировать, чтобы уменьшить риск нарушения коммуникации.

Отсутствие коммуникации? Её не бывает в иерархической модели, потому что коммуникация там осуществляется сверху вниз, без возможности каких-либо дискуссий. Такая возможность существует только среди равных, в ином случае это отношения господства — подчинения. Именно в этом отношении признание нарушений коммуникации отсылает нас к демократической культуре. Нарушение коммуникации предполагает признание эгалитарных межличностных и социальных отношений. Таким образом, за нарушением коммуникации возникает та фундаментальная реальность инаковости, с которой все мы сталкиваемся. Именно поэтому технический прогресс является неоднозначным. Ускоряя производство, передачу, интерактивный характер и распространение посланий, он невольно маскирует эту реальность нарушения коммуникации. Чтобы преодолеть нарушения коммуникации, следует также повысить значимость и роль всех занятий *посредников*: журналистов, университетских преподавателей и других... Они воплощают в себе компетентность, потому что все отнюдь не обладают равноценными знаниями по всем предметам: существует передача знаний. Эти профессии также способствуют достижению минимума взаимопонимания, облегчая переговоры между культурными пространствами, которые не знают друг друга.

Во всяком случае, в условиях глобализации расширяются масштабы нарушения коммуникации, что ставит на передний план вопросы *разнообразия культур*, то есть не что иное, как реальность инаковости в больших масштабах. Чем больше будет информации и посланий, тем больше даст о себе знать разнообразие культур, а вместе с ним и необходимо организовать сосуществование разных культур. *Культурное разнообразие — это факт, а сосуществование — политический проект*. Если информационные каналы являются общемировыми, то получатели информации всегда неодинаковы. Поэтому в поиске коммуникации не стоит забывать о важности логики *предложения, связанного* с творчеством, всегда более сложной, чем логика спроса, но при этом свидетельствующей о стремлении учитывать разнородность получателей информации. В последние 50 лет изменения состояли в переходе от модели предложения к модели, основанной на спросе, что ближе к действительности разделения общества на

отдельные сегменты, с неоднозначной ролью технологий в качестве контрапункта. Последние, под прикрытием «прогресса» и удовлетворения спроса, могут способствовать развитию коммуитаризма и заставить забыть о том, что существенным в коммуникации остается *расхождение* между предложением и спросом.

Именно в этом любая теория коммуникации явно или неявно включает в себя всю теорию общества. Моя теория коммуникации ставит нарушение коммуникации в качестве горизонта для коммуникации и подчеркивает значимость сосуществования, еще одного способа признать равенство между партнерами. Таким образом, она ведет к повышению значимости концепта *толерантности*. Тот, кто говорит о сосуществовании, предполагает приоритет толерантности. Толерантность становится результатом опыта, приобретенного в отношении инаковости. Проект сосуществования, поскольку это именно проект, таким образом, предполагает несколько условий: конкретный *опыт* в отношениях с инаковостью; *толерантность* по отношению к другим; отсылка к *универсализму* как способ избежать сегментации общества. Сосуществовать значит уважать друг друга. Быть терпимыми по отношению друг к другу это значит пойти ещё дальше, это значит проявлять интерес к другим в более общей перспективе, которая предполагает отсылку к универсальному. Если XX век был веком информации и коммуникации, то XXI век мог бы стать в большей степени веком сосуществования и толерантности. В особенности, когда эффект нарушения коммуникации станет еще более заметным.

Отстаиваемая в настоящей работе теория коммуникации, таким образом, помимо признания факта нарушений коммуникации, представляет собой поиск путей к сосуществованию, предложение приобрести опыт и толерантность. *Не только информация не означает коммуникацию, но и коммуникация означает не передачу, а сосуществование. Коммуникация признает непреодолимую инаковость человеческих созданий и представляет собой призыв к немного большей толерантности*. Станет ли XXI век веком толерантности? Это было бы оптимистическим предположением о том, что будет принят во внимание непреодолимый факт нарушений коммуникации. И тут всплывает тема конфликта цивилизаций, которая представляет собой пессимистическую версию той же самой констатации нарушений коммуникации на фоне инаковости. Толерантность или конфликт культур. Таков вызов. В конце концов, другие цивилизации в истории уже сталкивались с таким выбором.

Чтобы иллюстрировать эту главную ставку, можно сделать сравнения. В последние 50 лет люди с трудом научились уважать природу, после того как на протяжении более века бесстыдно ее эксплуатировали. Сейчас они сталкиваются с новым вызовом, более сложным: научиться мирно сосуществовать *друг с другом*. Этот процесс более сложный, чем в отношении природы, поскольку люди сталкиваются прямо, лицом к лицу, столь похожие и различные. Одни, лицом к лицу, со своими демонами и своими идеалами.

Именно поэтому информация и коммуникация представляют собой один из великих вопросов начала этого века. Вопрос войны или мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Aron, R., *Mémoires. 50 ans de réflexion politique*, 2 vol., Paris, Julliard, 1983.
- Badie, B., *Puissant ou solidaire?*, Paris, Desclée de Brower, 2009.
- Baubérot, J. (dir.), *La laïcité à l'épreuve: religions et libertés dans le monde*, Paris, Universalis, 2004.
- Baudrillard, J., Morin, E., *La violence du monde*, Paris, Éditions du félin, 2003.
- Beauchemin, J., *La société des identités. Éthique et politique dans le monde contemporain*, Montréal, Athéna, 2004.
- Beck, U., *Pouvoir et contre-pouvoir à l'ère de la mondialisation*, Paris, Aubier, 2002 (trad.) 2003.
- Berman, A., *L'épreuve de l'étranger*, Paris, Gallimard/Tel, 1995.
- Besnier, J.-M., *Demain le posthumain. Le futur a-t-il encore besoin de nous?*, Paris, Hachette Littératures, 2009.
- Blondiaux, L., *La fabrique de l'opinion. Une histoire sociale des sondages*, Paris, Seuil, 1998.
- Boniface, P. (dir.), *La diversité, un atout pour la France*, Paris, IRIS/ Dalloz, 2009.
- Calvet, L.-J., *Le marché aux langues: essai de politologie linguistique sur la mondialisation*, Paris, Plon, 2002.
- Canetti, E., *Masse et puissance*, Paris, Gallimard, 1960 (trad.) 1966.
- Cassin, B., *Google-moi! La deuxième mission de l'Amérique*, Paris, Albin Michel, 2007.
- Certeau (de), M., *La prise de parole. Et autres écrits politiques, éd. établie et présentée par Luce Giard*, Seuil, Paris, 1994.
- Corm, G., *La question religieuse au XXIe siècle*, Paris, La Découverte, 2007.
- D'Iribarne, P., *Penser la diversité du monde*, Paris, Seuil, 2008.
- Debord, G., *La société du spectacle*, Paris, Gallimard, Folio, 1966.
- Debray, R., *Le moment fraternité*, Paris, Gallimard, 2009.
- Deleuze, G., Guattari, F., *Mille plateaux*, Paris, Éditions de minuit, 1986.
- Detienne, M., *Comparer l'incomparable*, Paris, Seuil, 2009.
- Dockès, P., Fukuyama, F., Guillaume, M. et Sloterdijk, P., *Jours de colère, l'esprit du capitalisme*, Paris, Ed. Descartes et Cie, 2009.
- Elias, N., *La société des individus*, Paris, Fayard, (trad.) 1991.
- Ellul, J., *Ellul par lui-même*, La Table ronde, 2008.
- Escarpit, R., *Théorie générale de l'information et de la communication*, Paris, Hachette, 1985.
- Étiemble, R., *Ouverture(s) sur un comparatisme planétaire*, Paris, C. Bourgois, 1988.
- Farchy, J., *Internet et le droit d'auteur*, Paris, CNRS Éditions, 1999.
- Freud, S., *Malaise dans la civilisation*, Paris, PUF, (trad.) 1929.
- Friedmann, G., *Ces merveilleux instruments*, Paris, Denoël/Gonthier, 1979.
- Fukuyama, F., *State building gouvernance et ordre du monde au XXIe siècle*, Paris, La Table ronde, 2005.
- Gauchet, M., *Un monde désenchanté*, Paris, Pocket, 2007.
- Griset, P., *Les révolutions de la communication au XIXe et XXe siècle*, Paris, Hachette, 1991.
- Grunzinski, S., *La pensée métisse*, Paris, Fayard, 1999.
- Habermas, J., *Théorie de l'agir communicationnel*, 2 tomes, Paris, Fayard, 1981.
- Hagège, C., *Dictionnaire amoureux de la langue*, Paris, Odile Jacob / Plon, 2009.
- Huntington, S., *Le choc des civilisations*, Paris, Odile Jacob, 1997, (trad.) 2000.
- Jacquin, P., Garanger, J. (dir.), *Grandes civilisations, Afrique, Amérique, Asie, Europe, Océanie*, Paris, Larousse, 2003.
- Julliard, J., *La reine du monde*, Paris, Flammarion, 2008.
- Kepel, G., *Terreur et martyre: relever le défi de civilisation*, Paris, Flammarion, 2008.
- Le Bris, M., *Pour une «littérature-monde»*, Paris, Gallimard, 2007.
- Lévi-Strauss, C., *L'identité*, Paris, Grasset, 1977.
- Lombard, D., *Le village numérique mondial. La deuxième vie des réseaux*, Paris, Odile Jacob, 2008.
- Maalouf, A., *Le dérèglement du monde*, Paris, Grasset, 2009.
- MacBride, S. (dir.), *Voix multiples, un seul monde*, la Documentation française/Unesco/ Nouvelles éditions africaines, 1980.
- MacLuhan, M., *Pour comprendre les médias, les prolongements technologiques de l'homme*, Paris, Seuil, 1964 (trad.) 1966.
- Marcuse, H., *Culture et société*, Paris, Éditions de minuit, 1965 (trad.) 1970.
- Mattelart, A., *La globalisation de la surveillance*, Paris, La Découverte, Poche, 2008.
- Memmi, A., *Portrait du décolonisé arabo-musulman et de quelques autres*, Paris, Gallimard, 2004.
- Morin, E., *La complexité humaine*, Paris, Flammarion, 2008.
- Morin, E., *L'esprit du temps, essai sur la culture de masse*, Paris, Seuil, (2e édition) 1962.
- Mumford, L., *Le mythe de la machine*, 2 tomes, Paris, Fayard, (trad.) 1973.
- Noiriel, G., *Immigration, antisémitisme et racisme en France (XIXe – XXe siècle): discours publics, humiliations privées*, Paris, Hachette littérature, 2009.
- Nowicki, J., *L'homme des confins. Pour une anthropologie interculturelle*, Paris, CNRS Éditions, 2008.
- Perriault, J., *La logique de l'usage: essai sur les machines à communiquer*, Paris, L'Harmattan, 2e édition, 2008.
- Rancière, J., *Le spectateur émancipé*, Paris, La Fabrique, 2008.
- Reynié, D., *Le triomphe de l'opinion publique. L'espace public français du xviie au XXe siècle*, Paris, Odile Jacob, 1998.
- Schaeffer, P., *Machine à communiquer*, 2 vol. Paris, Seuil, 1962.
- Schnapper, D., *La relation à l'autre. Au coeur de la pensée sociologique*, Paris, Gallimard, 1988.
- Sennett, R., *La culture du nouveau capitalisme*, Paris, Hachette Littératures (Pluriel), 2006.
- Serres, M., *Hermès*, 5 vol., Paris, Éditions de minuit, 1969-1980.
- Simondon, G., *Du mode d'existence des objets techniques*, Paris, Aubier, 1958.
- Taguieff, P.-A., *L'illusion populiste: de l'archaïque au médiatique*, Paris, Berg international éditeurs, 2002.
- Taylor, C., *Multiculturalisme, différence et démocratie*, Paris, Aubier, 1994.
- Touraine, A., *Critique de la modernité*, Paris, Fayard, 1992.
- Vanbreemsch, N., *De la démocratie numérique*, Paris, Seuil, 2009.
- Virilio, P., *Le futurisme de l'instant: stop-éject*, Paris, Galilée, 2009.
- Weil, P., *Liberté, égalité, discriminations*, Paris, Grasset, 2008.
- Wiewiorka, M., *Huit leçons de sociologie*, Paris, Robert Laffont, 2008.
- LA REVUE HERMÈS (Cognition – Communication – Politique) – Paris – CNRS Éditions (Fondateur et Directeur de la publication, Dominique Wolton)
- Hermès n° 1, *Théorie politique et communication*, 1988.
- Hermès n° 4, *Le nouvel espace public*, 1995.
- Hermès n° 17-18, *La communication politique*, 1995.
- Hermès n° 21, *Sciences et médias*, 1997.
- Hermès n° 23-24, *La cohabitation culturelle en Europe*, 1999.
- Hermès n° 35, *Les journalistes ont-ils encore du pouvoir?*, 2003.
- Hermès n° 38, *Les sciences de l'information et de la communication*, 2004.
- Hermès n° 39, *Critique de la raison numérique*, 2004.
- Hermès n° 40, *Francophonie et mondialisation*, 2004.
- Hermès n° 42, *Peuple, populaire, populisme*, 2005.
- Hermès n° 45, *Fractures dans la société de la connaissance*, 2006.
- Hermès n° 48, *Racines oubliées des sciences de la communication*, 2007.
- Hermès n° 49, *Traduction et mondialisation*, 2007.
- Hermès n° 51, *L'épreuve de la diversité culturelle*, 2008.
- Hermès n° 52, *Les guerres de mémoires dans le monde*, 2008.
- Hermès n° 53, *Traçabilité et réseaux*, 2009.
- LES ESSENTIELS D'HERMÈS Paris – CNRS Éditions (Fondateur et Directeur de la publication, Dominique Wolton)
- Francophonie et mondialisation*, 2008
- L'opinion publique*, 2009
- Les identités collectives à l'heure de la mondialisation*, 2009
- Sociétés de la connaissance, fractures et évolutions*, 2009

Доминик ВОЛЬТОН — основатель и директор Института коммуникационных наук CNRS (Centre National des recherches scientifiques, Национальный центр научных исследований, Франция) и редактор журнала Эрмес/Hermès

ДРУГИЕ КНИГИ ДОМИНИКА ВОЛЬТОНА

Mc Luhan ne répond plus. Communiquer c'est cohabiter (МакЛюэн больше не отвечает. Коммуникация — это совместное проживание). Editions de l'Aube, 2009, 121 p.

Demain, la francophonie. Pour une autre mondialisation (Франкофония завтра. За другую глобализацию). Flammarion, 2006, 195 p.

Mondes francophones. Auteurs et livres de langue française (dir.) (Мифы франкофонии. Книги на французском языке и их авторы. Отв. редактор). ADPF, Ministère des Affaires Etrangères, 2006, 450 p.

Il faut sauver la communication (Нужно спасти коммуникацию) Flammarion, 2005, 220 p. Version poche, Champs, Flammarion, 2007. Traductions étrangères.

Télévision et civilisations Entretiens avec H. Le Paige (Телевидение и цивилизации. Интервью с Х.Лепэжем). Bruxelles, Belgique, Labor, 2004, 135 p.

La Télévision au pouvoir. Omniprésente, irritante, irremplaçable (dir.) (Телевидение у власти: вездесущее, раздражающее, незаменимое) Universalis, coll. «le tour du sujet», 2004, 195 p.

Francophonie et Mondialisation (dir.) (Франкофония и глобализация. Отв. ред.) Revue Hermès, n° 40, CNRS Éditions, 2004, 420 p.

L'Autre mondialisation (Другая глобализация) Flammarion, 2003, 211 p. Version poche, Champs, Flammarion, 2004. Traductions étrangères.

La France et les Outre-mers. L'enjeu multiculturel (dir.) Revue Hermès, n° 32-33, CNRS Éditions, 2002, 656 p.

Internet. Petit manuel de survie. Entretiens avec Olivier Jay Flammarion, 2000, 186 p. Traductions étrangères.

Internet et après? Une théorie critique des nouveaux médias Flammarion, 1999, 200 p. Prix Georges Pompidou. Version poche, Champs, Flammarion, 2000. Traductions étrangères.

Penser la communication Flammarion, 1997, 400 p. Version poche, Champs, Flammarion, 1998, 402 p. Traductions étrangères.

Jacques Delors. L'unité d'un homme Entretiens avec D. Wolton, Odile Jacob, 1994, 397 p.

La Dernière utopie. La naissance de l'Europe démocratique Flammarion, 1993, 455 p. Version poche, Champs, Flammarion, 1997, 454 p. Traductions étrangères.

War game. L'information et la guerre Flammarion, 1991, 220 p. Traductions étrangères, 1992.

Éloge du grand public. Une théorie critique de la télévision Flammarion, 1990, 319 p. Version poche, Champs, Flammarion, 1993, 318 p. Traductions étrangères.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книги Доминика Вольтона известны читающей западной публике. На русском языке он публикуется впервые, тем приятнее знакомство с теоретиком СМИ, популяризатором коммуникации и взаимопонимания в мультикультурном обществе. Вольтон — философ и публицист, известен как телеведущий. Он объясняет сложность задач по преодолению цифрового разрыва, социального неравенства, недоработок журналистов, бизнеса и чиновников по оказанию информационных услуг.

Вольтон вот уже два десятилетия издает в год по книге, которые я читаю с пользой для себя. Вольтон вводит в оборот новые понятия, терминологию, точки зрения континентальной Европы, и этим интересен. Это слово патриарха науки массовой коммуникации. Вольтон много лет руководит главным во Франции институтом коммуникации, исследовательским учреждением высокого уровня, издает сборники и толстый журнал, где выступили авторами статей сотни коллег со всего мира.

Первая книга Вольтона на русском языке «Информация не значит коммуникация» размещена в бесплатном доступе на rolpred.com и ее скачали сотни людей. Для студентов, будущих журналистов, это детализированный перечень профессиональных проблем, которые приходится решать в сфере СМИ и цифрового общения.

Вольтон — новатор и по должности и по призванию. Русскоязычная публика сможет оценить по достоинству содержание и удачный перевод работы Вольтона. Тем более, что выход его книги в России обеспечила редакция rolpred.com Обзор СМИ, с которой связаны все основные вузовские и публичные библиотеки на постсоветском пространстве.

Президент факультета журналистики
Московского государственного университета
им. М.В.Ломоносова,
профессор **Ясен Николаевич Засурский**

13.10.2011.

*Информация и коммуникация
представляют собой один из великих
вопросов начала этого века. Вопрос
войны или мира.*

Д. В.

Доминик ВОЛЬТОН – основатель и директор Института коммуникационных наук CNRS (Centre National des recherches scientifiques, Национальный центр научных исследований, Франция) и редактор журнала Эрмес/Hermès

Основатель и Директор Института наук о коммуникации (L'Institut des Sciences de la Communication du CNRS –ISCC). Национального центра научных исследований (с 2007 г.) и Дома наук о коммуникации и междисциплинарных исследований (с 2010 г.)

Основатель и главный редактор журнала «Журнал Эрмес – Познание-коммуникация-политика» (*Revue Hermès, Cognition Communication Politique*), Издательство Национального центра научных исследований, CNRS Эдисьон (CNRS Éditions) (с 1988 г.) и серии изданий «Основные публикации журнала Эрмес» (2008).

Основатель и руководитель серии изданий «Коммуникация», CNRS эдисьон, Париж, с 1998 г.

Член Ученого совета Национального центра научных исследований, Франция.

Член Административного совета Группы Франс телевизьон и Франс-2.

Член Французской делегации в ЮНЕСКО.

Член Научного совета Парламентской службы по оценке выбора в сфере науки и технологий.

Президент Совета по этике в сфере рекламы.